

Людмила КУЧУГУРНАЯ

МАЛЕНЬКАЯ МОЯ ЖИЗНЬ

Москва

В настоящее время развернуты работы, связанные с созданием общественной организации – Первая Международная Академия «Сжатие времени» (Санкт-Петербург) им. члена-корреспондента АН СССР, лауреата двух Сталинских премий, профессора МГУ – Михаила Григорьевича Мещерякова, бывшего заместителя Игоря Васильевича Курчатова и научного руководителя созданного в Дубне в 1947–1949 годах ускорителя – синхроциклотрона. Написавшая книгу Людмила Дмитриевна Кучугурная является соавтором двух научных статей, посвященных созданию в Объединенном институте ядерных исследований (Дубна) лучшего в мире сканера АЭЛТ-2/160 при участии в этих разработках профессора М.Г.Мещерякова:

1. Система обработки снимков с установки МИС на сканирующем автомате АЭЛТ-2/160. – 24 с., Р10-80-430, ОИЯИ, Дубна, 1980. – Библиогр.: И.Байла, М.К.Баранчук, Н.В.Барашенкова, В.В.Вишняков, О.А.Займидорога, А.А.Карлов, Л.Д.Кучугурная, Э.Д.Лапчик, М.Г.Мещеряков, Б.П.Наумов, И.Л.Писарев, Л.В.Тутышкина, В.Н.Шкунденков.

2. Scanning System with High-Speed Interactive Facilities // Programming and Mathematical Techniques in Physics: International Conference on Programming and Mathematical Methods for Solving Physical Problems, Dubna, June 14–19, 1993. – Singapore [etc.]: World Sci., 1994. – P. 41–42. – Bibliogr.: M.K.Baranchuk, S.V.Kunjaev, L.D.Kuchugurnaia, E.D.Lapchik, M.G.Meshcheryakov, R.H.Pose, V.N.Shkundenkov.

Людмила КУЧУГУРНАЯ

МАЛЕНЬКАЯ МОЯ ЖИЗНЬ

Москва-2020

Кучугурная Людмила Дмитриевна
МАЛЕНЬКАЯ МОЯ ЖИЗНЬ
– Москва, ИП Скороходов В.А., 2020 – 76 с.

Автор – кандидат технических наук, программист 1-й категории
в Научном центре исследований и разработок информационных систем
(Объединенный институт ядерных исследований, Дубна Московской области).

Предлагаемая вниманию читателей книга – единственное художественное произведение автора, участника работ в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН, Женева, Швейцария), относящихся к созданию Большого адронного коллайдера (1996–2009 годы). Эти работы были связаны с созданием в ЦЕРНе с применением основанного на русской культуре метода «сжатия времени» (Time Compression) переносимых из NASA (США) административных информационных систем – контроля финансов и учета кадров, электронного документооборота и других систем. Книга, в которой автор описывает годы своего детства и ранней юности в Курске и Москве, прошедшие на середину XX века, была написана в 2011 году, когда Большой адронный коллайдер был уже создан и запущен в эксплуатацию. В 2020 году в Санкт-Петербурге основана общественная организация – Первая Международная Академия «Time Compression» (адрес в Интернете – <https://www.ak-dtc.com/>). В ее создании есть немалый вклад автора этой книги, оставшийся «за кадром». Что не снижает ценности этого вклада. В науке много «некто негде засвидетельствовал».

Введение

Я никогда не думала, что буду писать. В школе самым моим любимым предметом была математика. Писать сочинение было тяжелой работой. Иногда брала журнал «Огонек» или «Работницу», которые читали родители, и списывала из них целые фразы описания природы, если тема сочинения была, например, «Осень» или «Как ты провел зимние каникулы». Сама я, как ни старалась, придумать ничего не могла.

Сейчас мне много лет. У меня две внучки, десяти и шестнадцати лет. Я очень хочу, чтобы они полюбили то, что любила я в их возрасте. Огромный шкаф, полный детских книг, дело моих рук. Я для них скупаю все старые фильмы, которые смотрела сама, записи детских спектаклей – все это для того, чтобы они любили и гордились нашей страной, нашей историей.

Последний мой приезд к ним в гости в город Женеву, где в настоящее время работает мой зять, пришелся на праздник Победы 9 мая 2011 года. Семьдесят лет тому назад началась Великая Отечественная война. Я привезла фильм «В бой идут одни “старики”», чтобы посмотреть его вместе с детьми. И неожиданно начался разговор. Маленькая внучка молчала, только слушала, а старшая сказала: «Но мы же тоже убивали». В это время в школе они обсуждали тему «Гитлер, Муссолини, Сталин». Все имена через запятую. И я все поняла. Поняла, что нельзя молчать, что надо что-то делать. И что очень трудно объяснить им и помочь понять. И что со старшей уже, как это не горько, время, наверное, упущено, но может быть еще удастся успеть объяснить, рассказать младшей.

Много книг написано о войне, но немногие из них написаны людьми, которые сами горели в танке или с винтовкой шли в атаку. Чтобы наши внуки поверили, нужны сверхусилия, нужна правда без оглядки на то, как это воспримут сейчас. И я решила написать своим внучкам про свою жизнь. Пускай события моей жизни не такие интересные, как описаны в книгах, пускай у меня не было родственников с известными именами, но мне, своей любящей их бабушке, они поверят.

Мои первые воспоминания

Сколько себя помню, мы всегда жили на частных квартирах, с хозяйками. Мама была веселая, чистюля, со всеми ладила. Первые мои воспоминания – лежу я на кожаном черном диване, который я потом видела в старых довоенных фильмах, двигаться не могу, только слышу, как звонит телефон, я его вижу, он черный, стоит на маленьком с него размером столике. Позже я рассказала маме об этом – она очень удивилась: все так и было, и комнату я описала правильно и про телефон, только в такой комнате мы жили в военном городке под Оренбургом, и мне было всего несколько месяцев.

*Я совсем маленькая, и родители очень молодые –
отец Дмитрий Яковлевич Лопин и мама – Валентина Егоровна*

Ехали они из Курска в Оренбург поездом, с пересадками, меня, совсем крохотную, мама замотала в пуховое одеяло, очень объемное и легкое и всю дорогу боялась, что не заметит, если я из него выпаду. Это одеяло до сих пор живо, его несколько раз реставрировали, добавляли пух из подушек. Всю посуду, постель, мою ванночку родители отправили другим поездом, товарным, который шел несколько месяцев, поэтому по прибытии в военный городок – участок степи с несколькими постройками, огороженный колючей проволокой – с грудным ребенком мама оказалась в сложном положении. Выручили женщины, жены офицеров, дали, кто что мог.

Но самым неожиданным оказалось доставшееся нам жилье – маленькая комната с печкой, в которой до нас жил один офицер вместе с коровой. Ему было так удобно: готовил он сразу на двоих, да и теплее вдвоем. Отец, военный, сразу ушел на работу, и мама осталась со мной одна. Вымыла, выскребла, побелила стены. Но утром я была вся в сыпи, да и других грудничковых болячек было навалом. Тяжелая дорога, жуткий холод. Ночью, когда включили свет, увидели толпы клопов, которые выбирали меня, сыпь была результатом. Мама боролась. Меня на ночь клали в оцинкованную ванну, чтобы они не могли до меня добраться, так они заползали на потолок и прыгали в мою ванночку с потолка.

С того времени у нас остался настоящий оренбургский платок, в котором выросла я, свою дочку зимой на прогулку в коляску я тоже заворачивала в него с полной уверенностью, что он не подведет и дочка не замерзнет.

Потом, когда мне был один год, мы жили в Киечевке, на Украине, у мамы были огород и поросенок. Мама со мной ходила на огород, меня сажала на одеяло, там я и пошла первый раз за початком кукурузы. Мама тут же позвонила отцу, он прибежал, видимо, воинская часть была рядом, чтобы посмотреть на это чудо расчудесное, меня уговаривали, но я не сдвинулась с места. Один раз там же на этом же одеяле на меня напал соседский петух, он взлетел мне на голову и стал клевать, я закричала. Мама потом говорила, что у меня чудом сохранились глаза. Этот петух всех соседей доставал, но после случая со мной его пришлось наказать.

1949 год. Киечевка. Парад победы 9 мая. Мой папа в первом ряду крайний справа.

Потом папу перевели в Курск, это был город, где я родилась [28.09.1947], там жили все маминны родственники, и мама очень хотела в Курск и уговаривала папу. Позднее я несколько раз слышала, как папа упрекал ее за это. Чтобы получить лишнюю звездочку, офицеры стремились служить где-нибудь подальше, на Дальнем Востоке, например, а потом, уже в чинах, возвращались на более обжитые, комфортные места. Курск и был таким местом и не позволял делать военную карьеру. Отец в то время был подполковником, а полковника он получил, когда мне уже было лет 15, и это ставилось маме в укор.

Бабушка Таня

В Курске жила мамина мама, моя любимая бабушка Таня. У меня была и вторая бабушка, нелюбимая, папина мама, бабушка Наташа. Она, кстати, платила мне тем же. Она вообще девочек не жаловала. У нее самой было три сына, и у младшего, любимого, были тоже сыновья, старшего из которых Сашу, она обожала.

У бабушки Тани в центре города, улица Ленина, дом 13, была крохотная, но отдельная квартирка в полуподвале двухэтажного дома.

Мои родители только поженились. Мамин родной брат дядя Толя и бабушка Таня.

Моя бабушка родилась в 1897 году в деревне Тереша около Курска. На ее долю выпала революция семнадцатого года и две войны – Гражданская и Отечественная. Всю жизнь с двенадцатилетнего возраста она работала. Девочкой – в доме купца, нянчила маленького ребенка. Вспоминала, как хозяйка подарила ей красную ленту в косу, коса была длинной, ниже пояса. Школу она закончила церковно-приходскую, три класса. Зимой в школу ходить было нельзя, не было обуви. Детей было четверо: три сестры и брат. Бабушка была самой старшей. Фамилия у них была Усачевы. Когда умерла их мама, ее звали Анастасией, бабушке было 12. Разгоряченная, она выпила холодного молока из погреба и слегла.

Бабушкины сестры, я их очень хорошо помню, были разными, даже цвет волос у них был разный, не говоря уже о характере. Бабушка была высокой, стройной, дома всегда ходила в фартуке, который туго завязывала, что еще больше подчеркивало ее тонкую талию. Она была шатенкой с голубыми глазами, волосы были разделены на прямой пробор, заплетены в две косички и уложены на затылке. Прямой пробор подчеркивал правильность овала лица и форму безукоризненного точеного носика. Бабушкин носик я вижу у своей дочки, а очень красивую форму пальцев на руках у своей внучки. Руки у нее были руками аристократки: длинные пальцы, которых время ничем не смогло испортить.

А где только она ими не работала. Клала шпалы на железной дороге, где, голодная, грызла мороженые яблоки и отморозила все передние зубы, работала закройщицей на швейной фабрике. Работа заключалась в том, что в течение рабочего дня надо было бегом настилать на очень длинные столы пальтовый толстый тяжелый материал из огромного рулона. Работали вдвоем, бегали по обе стороны стола, потом на верхний слой этого пирога накладывали выкройки будущих пальто и вырезали специальными ножницами заготовки.

Но она так и не заработала пенсии, что для нее было очень обидно. Во время войны ее трудовую книжку раскурили на папиросы – бумаги не было, и все заработанные довоенные годы пропали. Надо было искать свидетелей, а после войны, да еще в районе смертельных боев найти было трудно, да потом уговорить куда-то идти и что-то свидетельствовать. После 55 лет она пошла работать ночным сторожем, сторожила картины в художественной мастерской у себя во дворе, для храбрости было выдано ружье без патронов. Ей сказали, что не хватает до пенсии только одного года, она поверила, но ничего не получилось.

А главным призванием бабушки было умение шить. У нее была ножная зингеровская машинка, за которой она ухаживала, как за ребенком, раскручивала, смазывала. У меня остались портняжные ножницы, которыми можно резать все: проволоку, как это делал мой двоюродный брат, за что она очень сердилась, и тонкий батист. Эта машинка была второй, первую бабушка с мамой во время войны отвезли из Курска в деревню, где еще могли быть какие-то продукты, и поменяли на мешок картошки. Был сильный мороз и, когда картошку на санках довели до города, она промерзла, ее ели вместе с кожурой. Когда, уже очень старенькую, мама забирала бабушку из Курска в Москву, бабушка умоляла взять в Москву и ее зингеровскую машинку, что было невозможно по многим причинам, главное – маме было бы не довести большую бабушку и ножную машинку.

Бабушка все понимала и попросила взять хотя бы ножницы, которые сейчас верой и правдой служат мне и которые я обязательно передам своей дочке. Машинка была ее кормилицей. Во дворе, где она жила, была художественная мастерская, где работали настоящие художники. Я любила смотреть, как они пишут свои картины. В основном они работали в помещении, но часто, чтобы написать небо, выходили на улицу. Как я понимаю, другой достойной природы у нас во дворе не было. Бабушка сшивала им холсты.

В ее квартире висело несколько копий, написанных маслом. Помню Васнецовского Серого волка с Иваном Царевичем и огромный портрет мамы, уже девушки, в несуществующем голубом бальном платье и придуманных автором картины драгоценностях. Особенно много для нее работы было перед праздниками. Квартира была завалена алым ситцем, и тетя, бабушкина невестка, она тоже работала художницей, вместе с моим дядей на столе писали на этой ткани огромными белыми буквами лозунги, призывы и разные слова, без которых нельзя было идти на демонстрацию.

Еще бабушка стегала людям ватные одеяла. У нее были огромные длиной с будущее одеяло деревянные пальцы, на них натягивался материал в два слоя, между которыми выкладывалась специальная неаптечная серая вата. Потом она доставала вырезанные из газеты выкройки экзотических цветов и разных фигур с завитушками, которые мы с ней укладывали на будущее одеяло так, чтобы было красиво. Фигуры обводили мелом. А потом уже по этим меткам стегалось одеяло. Меня тоже не забывала. Для всех моих разноростных целлулоидных кукол она шила настоящие платьица с кармашками, застежками, оборочками, шила им трусики и рубашечки с кружевами. Для самой маленькой – самую настоящую постель с одеяльцем, кружевным пододеяльником. Я не любила играть в эти куклы, они были жесткие и колючие, особенно растопыренные пальцы с острыми кончиками. Но бабушкино шитье меня с ними как-то примиряло. А что еще оставалось делать? Других игрушек не было. Правда, был у меня мягкий коричневый вельветовый мишка с глазами-пуговками. С ним можно было спать, не боясь быть исцарапанной. Его мне подарил дядя Толя, мамин брат. Но его увезла бабушка Наташа в подарок своему

любимому внуку Саше, а я долго не могла успокоиться, пока на присланной родителями Саши фотографии не увидела в руках этого Саши своего Мишку.

Со мной любимый Мишка.

Оказывается, это сохраняется где-то и живет с тобой всю жизнь, и не только само событие, но и все чувства, эмоции, которые были с ним связаны. Поэтому нельзя обижать детей. Они все помнят.

И еще бабушка любила театр. Ее квартира, в самом центре города, находилась рядом с театром, и во время гастролей бабушка пускала к себе квартирантов – приезжих артисток, которые давали ей билет на спектакль.

Она все готова была отнести в театр. Длинное черное бархатное мамино платье, воротник из чернобурки. Больше у нее для театра ничего интересного не было. Кроме одной вещи, которую она тоже хотела отнести, но вовремя вмешалась мама. Это – старинное пенсне с кнопочкой, сложенное в футляре, который, видимо, носили на шнурке, и который примерно сто лет тому назад разорвался, что в результате и стало причиной того, что сейчас оно лежит в моем ящике. Если надавить на кнопочку, то сложенное пенсне выскакивает из футляра и раскрывается. Его нашел мой прадед, бабушкин папа, который служил ямщиком у купца, возил хозяина в коляске, запряженной тройкой лошадей. Бабушка рассказывала и про своего отца Софрона, какой он был красивый, статный, курчавый, чуб был виден из-под заломленной на затылок шапки, правил он лошадьми стоя, был подпоясан широким красным кушаком, и про лошадей, разной масти, горячих, быстрых. Это было ее детство.

Однажды мой прадед вез купца и его гостей, а потом нашел в коляске пенсне, сказал хозяину, а тот ответил, чтобы он оставил у себя, вдруг кто-то спросит о пропаже. Но никто не спросил.

Бабушкиной страстью были книги. Она читала толстые романы, переживала, настолько была увлечена прочитанным, что очень хотела рассказать, поговорить. Чем старше она становилась, тем более толстые книги читала.

Каждый год она в своей квартирке сама делала ремонт. Как она говорила – подводила все под масляную краску. Это означало, что стены и потолок она красила масляной краской: стены до потолка голубой, а потолок – белой. Даже мне, маленькой, квартира казалась крохотной. Входная дверь выходила во двор и, если в нормальных домах потом надо подниматься по ступенькам вверх, то в бабушкиной квартире надо было по ступенькам спускаться вниз. Тут же стояла керосинка, на которой мне жарились картошка или неповторимо вкусные оладушки. А потом шло пространство в два квадратных метра, из которого был вход в большую комнату метров девяти.

На этих двух квадратных метрах бабушка осуществила свою давнюю мечту – поставила в этом закутке настоящую белую ванну, которую надо было наполнять вручную ведрами воды, предварительно нагрев воду на керосинке. Для нее самым большим счастьем было полежать в ванне, а потом лечь в белоснежную постель. Потом к ней стали ходить принимать ванну сестры, и она для них готовила воду, чистое белье и угощение, продолжая оставаться заботливой старшей сестрой.

Из большой комнаты, где стояла бабушкина кровать, одна дверь вела в комнатку, где жила семья ее сына, родного маминого брата дяди Толи, а другая – в маленькую комнатку, так называемую кухню, где бабушка шила, стояла ее машинка, топили печь и готовили еду. Из кухни окно выходило в противоположную сторону от двора, и однажды летом я вылезла в это окно и была потрясена тем, что увидела. Почти вплотную стоял высоченный красивейший храм, который я никогда раньше не видела, со стороны улицы его невозможно было увидеть, он был закрыт огромным книжным магазином. Позднее я узнала, что это была Церковь Илии Пророка, основанная в конце XVI века, перестроена во второй половине XVIII, и что в ней был крещен в 1758 году Серафим Саровский. Адрес ее – улица Ленина, дом 11 (бабушкин – 13). Видимо, я успела увидеть и запомнить и церковь, и шатровую колокольню, которую снесли в 1951 году. Как храм, так и бабушкин дом совсем не пострадали во время немецких бомбежек. А бомбили страшно, налетало до 500 самолетов, весь город был в руинах. И тогда вылезали, как и я, в окно и прятались в церкви. Только после войны узнали, что в ее подвале был большой склад оставленных нашими боеприпасов.

Все другие окна квартиры выходили во двор, он был узким, длинным и темным. По одну сторону – квартиры, по другую – сарай. И только около окон бабушкиной квартиры росли цветы, разноцветные георгины. Двор был каменный, землю для своих цветов бабушка приносила сама. На всех подоконниках тоже стояли цветы и все цвели. Цветы тоже были бабушкиной любовью.

Бабушкин двор. Качели для меня смастерил дядя Толя.

Сейчас ни бабушкиного дома, ни двора нет, не существует. Градостроители исправили свою ошибку 50-х годов, когда, разрушив колокольню, поставили перед церковью огромный длинный серый Дом книги и полностью закрыли ее. Сейчас пожертвовали бабушкиным домом так, что церковь с улицы теперь видна сбоку, со стороны ее снесенного дома, и в нее можно войти. А на месте художественной мастерской поставили банк с зеркальной стеной, в которой церковь еще и отражается. Наверное, очень красиво.

Детство в послевоенном Курске

Итак, мне два года, и мы возвращаемся в родной Курск. А жить нам негде. Мамин брат, дядя Толя женился и живет с бабушкой. Нам там места нет, и начинаются наши скитания. В городе, послевоенном, разрушенном найти что-нибудь трудно, и мы перебираемся в пригород, где сохранились частные одноэтажные домики. Помню нашу хозяйку Клавдию Францевну, она была полькой, немцы жестоко на ее глазах расправились со всей ее семьей, убили мужа, дочь и зятя. Остался в живых только сын, который жил в Москве. Мы снимали у нее комнату. Мама не работала и могла топить печь и убирать дом, что хозяйку устраивало. Сама она работала кассиршей в соседней аптеке. Мы с мамой ходили к ней в аптеку в гости, и она угощала меня коробочкой с кисленькими желтыми шариками – витаминками С.

Мы с Клавдией Францевной.

Клавдия Францевна была очень строгой хозяйкой. Входя в дом, она снимала туфлю с правой ноги и ощупывала пол, чтобы понять, есть ли на полу песок, чисто ли вымыла пол мама. Время от времени она резко менялась, становилась замкнутой, не разговаривала. Мама объясняла это пережитым горем и спокойно ждала, когда она отойдет.

Однажды бабушка Таня принесла мне котенка. У нее самой всегда жил кот, самый большой и самый пушистый на свете, который гулял, где хотел, а после прогулки любил растянуться на белоснежной бабушкиной пуховой кровати прямо на кружевном накрахмаленном и подсиненном покрывале, оставляя после себя большое серое пыльное пятно. Бабушка все это терпела во имя своей любви к кошкам. И как она могла допустить, что у ее внучки нет такого же счастья. Котенок действительно был необыкновенный, полосатый, полосы шли от его носика и расходились веером к ушкам и на головку. Определили его спать около моей кроватки на детском соломенном стульчике на подушке.

Утром, я проснулась первой, затащила котенка к себе в кровать и стала играть с ним голубой ленточкой, которую вытащила из своей заплетенной косички. Котенок прыгал и пытался схватить ее. Потом проснулась мама, и ей это не понравилось. Все бы ничего, но взбунтовалась хозяйка, и в ближайшее воскресенье она посадила моего котенка в свою плетеную кошелку и повезла на рынок, несколько остановок на трамвае. И там его оставила. Правда, по дороге он испачкал ее кошелку, в которую она собиралась купить на рынке продукты. Это была его маленькая кошачья месть. Мне сказали, как всегда говорят детям, что он маленький, без мамы-кошки ему плохо, и он к ней вернулся. И ты должна не плакать. А, наоборот, радоваться за него. Через несколько дней я вышла во двор и увидела соседских детей, играющих с маленьким котенком. Это был мой котенок. И носик, и полосочки на мордочке веером, и хвостик – все это принадлежало моему котенку.

Я побежала к маме с криком, что котенок вернулся. Но изменить ничего было нельзя, выбор был только один: или с котенком на улице, или без котенка, но с крышей над головой. Я надеюсь, что его взял кто-то из соседских детей.

Когда мне исполнилось два с половиной года, мама пошла со мной на работу в детский сад. Детей брали с трех, но с мамой взяли на полгода раньше. Клавдия Францевна сказала, что ей нужна неработающая жиличка, чтобы топить печь, и сказала, чтобы мы искали другое жилье.

...Послевоенный детский сад. Мама работала медсестрой. Она лечила, делала прививки, отвечала за чистоту, составляла меню и должна была пробовать готовую еду, но никогда этого не делала. Она стеснялась. Было время голодное. Мою воспитательницу, немолодую женщину, которая жила с больной дочерью, уличили в том, что она прятала в печке оставшиеся от нас, детей, недоеденные огрызки хлеба. Ее чудом не уволили. Родители заболевшего ребенка приходили с кастрюльками за его порцией еды, чтобы накормить этой скудной едой всю семью.

Детский сад. Мой затылок с двумя косичками за угловым столом около печки.

Но мы в детском саду жили хорошо. Нас кормили три раза, у нас были игрушки и книжки, у нас были цветные карандаши и бумага, нас учили петь хором. Комната была одна. Мы в ней ели за маленькими столиками, здесь же и играли, а для тихого часа воспитательница ставила нам раскладные деревянные кровати с натянутой парусиной по форме напоминающими раскладные стулья, с которыми в наше время рыбаки ходят на рыбалку. Потом их убирали, и они стояли прислоненными к стенке, огромные, тяжелые.

Детский сад. Мама, как положено медсестре, в белом халате. Рядом старенькая женщина, наш музыкальный работник. Я – третья слева во втором ряду.

Я не помню, чтобы кого-то обижали, издевались, били. Такого не было. Правда, один раз мама нашла мне на капюшон зеленого плюшевого пальто белый кроличий мех, к вечеру от него осталась только кожа с несколькими ворсинками – каждому хотелось получить мягкий приятный пушок. Но это было совсем не больно.

Я в детском саду. Кролик на капюшоне пока цел.

Платья мне шила бабушка, а вышивала мама. У меня были беленькие фартучки на ляпочках, расшитые вишенками и клубничками. Один фартучек, самый замечательный, помню очень хорошо. Это была кошка с мордочкой посередине, а лапками – ляпочками она меня обнимала. Все придумывала мама. Ночами она вышивала мелким-мелким крестиком необыкновенные картины, подушки и думочки (маленькие подушки) и даже украшала скатерти. Вышивала под керосинкой или настольной лампой, уперев одну сторону пальцев в край стола, а другую в свой желудок, что, наверное, было больно. Очень хотелось как-то украсить пусть не свое временное жилье, создать уют.

Я в детском саду в мамином фартучке.

Электричество экономили. Ночью отключали. Пользоваться электроплитками было запрещено. Но готовить на них было намного удобнее и чище, чем на керосинках. По домам ходили специальные люди, которые ловили и наказывали тех, у кого включена или даже просто есть такая плитка. К нам пришли тоже как раз тогда, когда я лежала в постели больная, а мама включила плитку. Страх быть пойманной был настолько велик, что мама

потеряла голову и засунула горячую плитку ко мне в постель в ноги. Я все поняла и быстро поджала ножки, чтобы не было горячо. Вошедшие осмотрели комнату. Я лежала тихо. Когда проверяющие ушли, у мамы была истерика.

Мама работала не только в детском саду. Ей надо было выработать ставку. Одно детского сада было недостаточно. Поэтому у нее был еще один детский сад, школа и прием в поликлинике. Надо было не только работать, но и успевать перебежать от одного места работы до другого. Опоздание было недопустимо. При таком режиме едой ей могла быть только булка на ходу всухомятку. Результат – больной желудок. Периодически меня мама спрашивала, например, давали ли нам на полдник кусочек сыра. Сыра я не видела. Однажды заведующая пригласила сотрудников на свой день рождения, где было все и сыр тоже.

Сразу после войны в городе Курске начали строить большой красивый железнодорожный вокзал. Старый разбомбили немцы во время авианалета. И нашу детсадовскую группу повели в него на экскурсию. Внешне вокзал был закончен, но внутри еще велись отделочные работы. Нам, как взрослым, рассказывали все про новый вокзал, водили по залам. Он был построен в честь погибших на Курской дуге. На стенах высоко под потолком я запомнила круглые барельефы. Но больше всего помню вкусный пряник в виде звездочки, который мне купила в привокзальном буфете тетя Лида, дяди Толина жена. Она здесь работала от художественной мастерской. Я очень была рада ее видеть. А с пряником не знала, что делать. Было очень неловко есть его одной при всех. Тогда я отдала его воспитательнице, которая как-то поделила его между детьми, и я съела свою долю уже с чистой совестью. Вокзал был открыт в августе 1952 года.

Здесь я еще с косичками.

Я очень рано научилась читать. Книг не было. Первой была Сказка про рукавичку, где шел дед, шел и потерял рукавичку, в которой потом поселились все лесные звери. Мама ее купила на рынке. Потом была книжка Солнечный денек Любви Воронковой о девочке Тане. Я их знала наизусть и на первых порах имитировала чтение, в нужный момент перелистывая страницу. Потом читала сама и очень свободно. Меня демонстрировали взрослым как чудо. Давали кусок газеты с мелким типографским шрифтом, и я читала, не понимая смысла, но произносила все правильно. В детском саду меня сажали на

маленький стульчик около печки, вокруг дети на таких же стульчиках, а я им вслух читала книжку вместо воспитательницы. При этом часто дети были старше меня.

После Клавдии Францевны была комнатка у Твердохлебовых. У них была корова, которая кололась, и еще ее сын после войны болел открытой формой туберкулеза, много кашлял, и мама очень за меня боялась, поэтому мы опять искали комнату. Следующее наше жилье оказалось совсем неудачным: через два месяца нам отказали, и мы очень срочно должны были переезжать на новую квартиру зимой. Было очень темно и холодно. Хозяева просто-напросто продали нашу комнату, что после наведенного мамой уюта с салфеточками и картинками оказалось очень легко.

Последнее наше пристанище в Курске было большой комнатой с печкой, где окон было больше, чем глухих стен. Хозяйку звали Феодосия. Она жила с сыном, невесткой и маленькой годовалой внучкой Олечкой и занимала более теплые комнаты. Жили мы дружно.

Постановочная фотография. Фотографировал профессиональный фотограф. Это наша комната у Феодосии. За столом мама и моя воспитательница из детского сада. Мне сказали собрать на маленький стол все мои игрушки. Голова самой большой куклы около стола – не поместилась.

Невестка Феодосии Галя работала секретаршей в райкоме, она была очень молоденькой, хорошенькой, сохраняла независимость и не позволяла свекрови верховодить. Утром она наряжалась, брала очередную свекровину оловянную вилку из шкафа, нагревала на огне керосинки и завивала свой чубчик. Испорченную с перекрученной ручкой вилку она выбрасывала в форточку. По весне, когда снег растаял, Феодосия нашла под окнами свои вилки. Был скандал. Сын в этих перепалках никакого участия не принимал. Он болел. Ночами он кричал от боли. Все это было последствием войны, он был солдатом, боевым солдатом, стрелял, прыгал с парашютом, мерз в окопах. У него болели кости, они опухали, он ничего не мог делать руками, с трудом ходил. В кладовке стояли огромные страшные стеклянные банки, в которых в уксусной эссенции лежали стальные лезвия от бритвы. Этим лекарством Феодосия делала своему сыну примочки. Как будто помогало.

Однажды я ушла из дома. Соседи играли со своей маленькой дочкой, засунули ей под платице мячик и смеялись, такая она была потешная. Моя мама смеялась вместе с ними, и я решила, что она меня больше не любит или может быть и любит, но точно меньше Олечки, и я решила уйти. Была зима и уже темно. Я стала медленно одеваться в надежде, что мама испугается и остановит меня, но мама как будто не видела. Я надела и шубку, и валенки, сама открыла дверь, вышла на улицу. Тишина. Звезды. Обошла вокруг дома. Мама не вышла и меня не позвала. Я постояла – постояла и вернулась. Еще мне рассказывала мама, что однажды к нам пришли в гости мамина подруга с такой же маленькой девочкой, какой была я. И вот девочка, чтобы заставить свою маму сделать, как она хочет, упала на пол, стала кричать и колотить ногами. Мне было чуть больше года, но я все запомнила. И, когда однажды мама что-то сделала не так, как хотелось мне, я тоже грохнулась на пол и стала кричать. Мама запела песенку и спокойно переступила через меня, лежащую и кричащую. Она рассказывала, что я очень удивилась, села и уставилась на нее. Так мама меня воспитывала.

Вообще я была очень послушной. Когда мы жили у Клавдии Францевны, мама вынуждена была оставлять меня одну дома. Болела бабушка Таня. Мама должна была к ней съездить. Меня в шубе на двух трамваях с сумками тащить было невозможно. Хозяйка на работе. А в доме топится печка. Печка обогревала две комнаты – нашу и хозяйки, а топка печки была в коридоре напротив входной двери, около которой было низкое окно, а под окном – лавка. Топка плохо закрывалась, поэтому ручку топки подпирали кочергой, которая стояла под углом, и мама боялась, что я могу ее зацепить ногой и тогда пожар. Поэтому она сажала меня на лавку перед окном и говорила, чтобы я не вставала, смотрела в окошко и ждала ее. Она возвращалась через несколько часов, а мне было не больше трех лет.

Был такой случай, зимой у нас стояла большая елка с игрушками, мама пошла за водой на улицу, а я подошла к елке, и елка на меня упала. Она была очень тяжелая и колючая. А я не убежала, не закричала, а молча держала елку и ждала маму – мне очень жалко было разбить елочные игрушки.

Живя с хозяйками, маме приходилось не только самой выполнять все их требования, но и постоянно одергивать меня: «Тише, доченька, не бегай, не кричи, не прыгай...» И я подчинялась. И это иногда доходило до абсурда. Однажды я расшалилась, и мама, лежа в постели, сказала мне, чтобы я немедленно подошла к ней, она хочет наказать меня – шлепнуть. И я подошла. Мама рассмеялась, обняла меня и спросила, почему я не убежала, глупенькая, не спряталась, а сама покорно подошла к ней получить свой хоть и заслуженный, но все же шлепок. Мне такая мысль – убежать – даже не приходила в голову.

До детского сада я никогда ничем не болела. А потом, как у всех. Но одной зимой, как раз у Феодосии, я переболела всем сразу: и корью, и скарлатиной, и свинкой. Положили в больницу. После скарлатины слезает вся кожа и нарастает новая. Я поднимала руку и видела огромный ее кусок от запястья до локтя. Было интересно. Родителей не пускали. Мы лежали на последнем, третьем этаже, инфекционное отделение должно быть на самом верху. И, вдруг в закрытом окне я вижу улыбающегося папу со сдвинутой на затылок фуражкой и приподнятыми с погонами плечами. Он открывал рот, что-то кричал, а потом исчез – спустился, как и поднимался, по водосточной трубе.

После больницы я опять чем-то заболела. Мама попросила знакомого проводника московского поезда привезти мне кагор, две бутылки, которые я одна преспокойно выпила по столовой ложке три раза в день до еды для аппетита.

Маме кто-то посоветовал постричь меня наголо: и новые волосы будут гуще, и без волос ребенок легче справится с болезнями. И меня повели в парикмахерскую. Мне было очень интересно, как будет происходить сам процесс стрижки и что получится в результате. Раньше меня никогда не стригли и волосы были длинные, до пояса, заплетенные в две косички. Предварительно мама меня отвела в фотоателье, где сфотографировали мои уже обреченные распущенные и завитые волосы на память.

Отрезанную косу, свернутую спиралью, из белоснежных тоненьких детских волос мама до недавнего времени хранила в моей детской красной сумке. А я, придя домой, сразу же побежала к хозяйскому зеркалу, которое висело высоко, с наклоном, чтобы можно было хоть и с большим искажением, но рассмотреть себя всю, во весь рост. Задрав голову, я увидела, большеголовое существо на тоненьких ножках, которое мне совсем не понравилось. Но я тут же решила больше об этом не думать и в зеркало не смотреть. В детском саду мой новый образ не вызвал никакого интереса – лысая девочка в мое время не была редкостью.

В детском саду с мамой. Волосы немного отросли – можно фотографироваться.

В воскресенье по утрам и папа, и мама были дома. Лежа в постели, мама меня спрашивала, что я буду на завтрак – яичницу или жареную картошку. Я любила и то, и другое. Папа раз в месяц получал паек – макароны и крупу, которые хранились в деревянном сундуке в комнате, так что обычно мы ели кашу. Он каждый день ездил на поезде в свою воинскую часть, которая находилась недалеко от города в лесу. В Новый год обязательно привозил нам огромную елку или сосну, которую мы наряжали разноцветными пряниками, конфетами. А осенью – грибы.

Мы с папой. Фотоаппарат на треноге фотографирует нас сам.

Иногда они с мамой ходили в театр, надо было ехать в центр города на трамвае. Вечером темнотища была жуткая, город, а тем более пригород, совсем не освещались. Мама надевала свое бархатное черное до пола платье, закалывала подол на талии булавками, чтобы не видно было из-под пальто, папа брал свой пистолет в маленькой кобуре из светлой кожи – после войны в городе было много бандитов, убивали и грабили. Женщины тогда носили ботики на кнопках. Очень удобно: надеваешь туфли, а сверху на них ботики, как калоши, но только гораздо красивее.

Папа и его братья

Папа любил шахматы. Вечерами папа играл в шахматы сам с собой, следил за шахматными чемпионатами, у него были книжки с шахматными задачками. Он пытался учить меня. Года в четыре я точно знала основные правила и какая фигура как ходит. Потом мы играли. Папа убирал с доски своего ферзя и пару главных фигур. Заканчивалось тем, что мне физически некуда было ходить, все мои фигуры сами себе мешали, сбивались в кучу, и везде был один конец – мат. Когда жили прямо в части, папа мог полночи играть с другими офицерами, благо все партнеры были соседями. Мама сердилась. Вообще у папы был математический склад ума, он был финансистом, считал в уме не хуже калькулятора. Если ходил в магазин, то быстро перемножал все граммы, рубли, копейки и в результате каждый раз все заканчивалось жалобной книгой. Он не выносил жульничества. До войны он успел получить два высших образования: окончил Финансово-экономический институт в Ростове-на-Дону и Военную академию в Харькове. Этим очень гордилась бабушка Наташа, сравнивая не в мамину пользу его два института с маминым фельдшерско-акушерским техникумом.

Папа родился в 1915 году на Кубани в станице Михайловская Курганинского района Краснодарского края. Его отец был начальником почты, помню его фотографию в белом мундире с погонами и аксельбантом. Он умер очень молодым: заснул в саду и не проснулся. Их дом даже во времена моего детства был самым большим в станице – кирпичный, под оцинкованной крышей. До революции они все были зажиточными, имели лошадей и батраков. У папы было двое братьев – Федор и Михаил. Папа – самый старший. Михаил, средний, в младенчестве переболел менингитом и остался глухонемым, что не помешало ему стать очень талантливым шахматистом и участвовать во всех краевых чемпионатах. Когда он приезжал к нам в гости, они с папой часами разговаривали, быстро-быстро жестикулируя руками, а потом играли в шахматы. Я тоже знала их алфавит, правда, сейчас помню только несколько букв.

Младший, Федор, перед войной окончил военное химическое училище и сразу же младшим лейтенантом попал на фронт в армию генерала Власова, потом были плен, концентрационный лагерь. Выжил только благодаря пленным женщинам, которые выливали помои с очистками к ним через забор. После окончания войны оказался в американской зоне и с несколькими такими же, как он, бежал. Пришел он к маме, когда мы жили под Полтавой, оборванный и голодный. Какое-то время жил у нас. В то очень трудное время мои родители ему очень помогли. После немецкого плена ни о каком хорошем будущем не могло быть и речи. Даже учась в институте при заполнении анкеты я должна была написать, что мой родной дядя был в плену, а мама жила в оккупации. Это было пятно на всю семью.

Дядя окончил железнодорожный институт, женился на сокурснице Анне, всю жизнь тихо прожил в городе Котовске в Молдавии и проработал скромным учителем математики в школе. Правда, в городе все его знали, он был лучшим репетитором. Его сын, Саша, легко поступил в Московский университет.

Все детство папа прожил на Кубани в станице. У них была неширокая, но с очень быстрым течением горная речка Чамлык. Вода была мутной и холодной, устоять было невозможно. Летом мальчишек отправляли сторожить бахчу с арбузами. Взрослые им привозили только хлеб. Было много змей, и они спали в домике на сваях. Папа очень рано ушел из дома учиться, сначала в Рабфак, а потом в институт. Бабушка Наташа купила ему на рынке новый хлопчатобумажный костюм, на ноги – калоши, привязанные, чтобы не потерять, веревочками, и на прощанье попросила его не возвращаться домой.

В это время на Кубани был жесточайший голод, люди умирали целыми семьями. А у бабушки на руках были два сына, и еще младшая сестра Дуня и брат. И их надо было кормить. Это был ее настоящий подвиг, что все они остались живы. Она рассказывала, что одна старушка отдала свою корову соседям за сколько-то кружек молока – у самой уже не было сил ухаживать за коровой, и каждый день она приходила к соседям за своим молоком. Когда она выпила последнюю кружку, то начала умирать с голода. А бабушка Наташа ходила в горы к чеченцам, чтобы обменять бутылку подсолнечного масла на хлеб. Масла у нее не было, а были голодные дети. Она наливала в бутылку воду, а сверху – тоненький слой масла. Обходилось. Как к этому относиться – не знаю.

Молоденькая мама с бабушкой Наташей. Здесь она еще папина невеста, не жена.

Папа поехал в Ростов поступать в институт на крыше вагона товарного поезда. По дороге потерял одну калошу. В Ростове на рынке поменял свой новый хлопчатобумажный

на старый, заштопанный, но чистошерстяной костюм. В таком виде с одной босой ногой он и явился перед приемной комиссией, но экзамены сдал. Жил он в общежитии. Там и приобрел двух своих друзей на всю жизнь: Ваню Судьбина и Петю Олейникова. Стипендии не хватало. Работали. Папа научился играть на трубе и с оркестром хоронил покойников. Потом к нему приехал брат Миша, в станице совсем было плохо, и бабушка решила, что так будет правильнее.

С Петей они вместе учились и в академии. Петя стал моряком. Все они с первого дня были на войне, а папу после академии еще до войны послали служить в Монголию. Он принимал участие в боях на Халхин-Голе.

Война

Я родилась после войны, но всегда знала, что такое война. Вокруг меня все мужчины были военными, а женщины – женами военных. Все они ходили только в военной форме, потому что гражданской одежды у них просто не было. Папе полагались отрезки на брюки, шинель. Если удавалось, мама шила себе из папиных брюк юбку, а если ткань неприлично блестела от долгой носки, то юбку перелицевали – изнанку ткани делали лицом, а лицо изнанкой. Из шинельной ткани женщины шили себе пальто, иногда ткань красили в черный или коричневый цвет, чтобы хотя бы чуть-чуть отличаться от мужа.

Мой дядя Толя, мамин брат, тоже ходил в военной форме. Он был старшиной. Учеба в школе давалась ему с трудом, он очень любил работать руками, увлекался техникой, машинами, очень хорошо рисовал. Перед войной дедушка Жора помог ему устроиться в ремесленное училище в Москве, где его застала война. Он окончил трехмесячные курсы водителя танка и ушел добровольцем на фронт. Был награжден тремя орденами Красной Звезды. Первый орден ему вручили на фронте, второй – в военкомате уже после войны, а третий он так и не получил. Несколько раз он горел в танке, а один раз сутки пришлось просидеть в болоте по пояс в ледяной воде, где он простудил почки и всю жизнь болел. Дядя Толя, несмотря на свой великанский рост, был очень тихим, скромным человеком, никогда не повышал голос и никогда для себя ничего не требовал. У него были вьющиеся волосы и ямочки на щеках.

С моим любимым дядей Толей около бабушкиного дома в Курске.

Женился он на тете Лиде, полной ему противоположности. Она была из цыган. Работала художницей все в той же мастерской во дворе. Была очень шумной, активной, профсоюзным общественным деятелем, собирала профсоюзные взносы, всегда ходила с большой хозяйственной сумкой со списками членов профсоюза и деньгами. У них было двое детей: Юра, года на три–четыре меня младше, и дочка Ирочка. Меня, свою племянницу, дядя очень любил, он был моим крестным отцом.

Мой дедушка Жора тоже ходил в военной форме всегда, сколько я его помню: военные брюки-галифе, заправленные в высокие черные сапоги, и военная гимнастерка с кожаным ремнем. После войны он сильно болел – у него было прострелено легкое.

Дедушка Жора в послевоенном санатории

Помню, как шагаю я, маленькая, на уровне края его сапога, за ручку. Мы идем на стадион «Динамо» на улице Ленина смотреть футбол, на воротах – его сын, мамин сводный брат, дядя Вова. По дороге мне обязательно покупают мороженое. Продавщица вкладывала один вафельный стаканчик в другой, чтобы из двух ломаных получился один целый, и накладывала в него из бидона алюминиевой ложкой белое мороженое. Мне было очень хорошо с дедом. Но дядя Вова, как всегда, подкачал, он был очень высокий, худой, в кепке, очень волосатый. И, когда он пропускал гол, зрители обзывали его обезьяной и кричали: «Вратаря на мыло!» Я видела, что дедушка сильно страдает, и мне было его очень жалко.

Дедушка Жора в Ялте, 1946 год. Я еще не родилась, но помнила его именно таким, в сапогах и брюках-галифе.

Мой дедушка Жора, Егор Матвеевич Аспидов, родился в 1899 году в селе Терепша Курской области. В семье их было четверо братьев: Василий, Иосиф, Иван, мой дед, и еще сестра Анастасия. Все братья были высокие и сильные. Семья была очень бедной, и все пошли в революцию, стали активными коммунистами. Бабушка Таня рассказывала, что когда она родила своего сына, моего дядю Толю, в 1924 году, то новорожденного не на что было положить, и сначала его положили на солому, потом дедушка снял с себя свою рубаху и отдал сыну. Дедушка и два его брата окончили Высшую партийную школу. По партийной линии все стали руководителями, разбирались в политике, хотя настоящих знаний у них не было, они были малограмотными, но верили в наше светлое коммунистическое будущее и готовы были за него умереть. Борьба была жестокой. В период раскулачивания кулаки зарубили их отца Матвея.

Дедушка Жора слева.

Василий стал председателем сельсовета Свободинского района Курской области (туда входили деревня Никольская, Терепша и Волобуево). Самая распространенная фамилия жителей была Аспидовы. Когда к Курску подходили немцы, и началась эвакуация, он спас колхозные стада, успел увести их от немцев. Активное участие принимал в раскулачивании зажиточных крестьян.

Старший брат Иосиф был директором завода в Харькове, в 1933 году был репрессирован и расстрелян. Уже в Москве к нам приезжала в гости его жена, у него осталось трое детей: Валентина, Анатолий и Зинаида.

Иван был директором МТС (машинотракторная станция).

Дедушка Жора до войны был секретарем Беленихинского райкома партии, Курской области (сейчас это Белгородская область). Знаменитая Прохоровка входила в состав его района. Все время оккупации немцами он командовал партизанским отрядом в своем районе, был ранен. В партизаны ушли все члены райкома, милиционеры и те, кто еще не был на фронте.

Прямо перед войной бабушке Тане сделали операцию, удалили аппендикс. Долго не могли поставить диагноз, поэтому начался перитонит и операция была тяжелой. Она еле ходила. А тут немцы. Была осень 1942 года. По улице Ленина – непрерывный поток бегущих от немцев: дети, женщины, на машинах, на лошадях, пешком, с колясками, с тюками, среди гражданских много военных. Немцы наступали очень быстро. Наши не успевали все и всех вывести. А тут мама лежит с высокой температурой, бабушка не знает, что делать. Спас сосед Лешка Калошин, он был на несколько лет старше мамы. Лешка притащил к маме откуда-то военврача, пожилого мужчину в военной форме. Как он смог его найти и уговорить в жуткой кутерьме и неразберихе – большая загадка. Врач вел себя очень спокойно, как будто ему некуда было торопиться (цена – его жизнь), послушал маму, оставил лекарство, сказал, что это воспаление легких, и ушел. Мамин спаситель Лешка достал подводу, помог погрузить маму, бабушку, сундук с одеждой, и они поехали в деревню к бабушкиной сестре Наташе.

Как входили в город немцы – не видели. Наступала зима 1942 года, очень морозная и снежная. В деревню вернулись бывшие раскулаченные кулаки. Они поддерживали новый порядок. Они находили и доносили на те семьи, у кого родные сражались против немцев на фронте или были коммунисты. И однажды Наташа сказала бабушке, чтобы та уходила. Она не может рисковать. У нее двое маленьких сыновей – Колька и Шурка. Это была деревня Никольская, где до войны председателем сельсовета был дедушкин брат, и все про всех все знали. И мама с бабушкой пошли. 30 километров пешком в мороз, без теплой одежды. На маму надели чье-то пальто, обмотали ее длинным вафельным полотенцем, а на ноги бурки, которые сшила бабушка из солдатской шинели. Шли от деревни к деревне. Пришли. В квартире выбиты все стекла, только в кухне, которая смотрела на храм, стекла сохранились, жуткий холод, топить нечем, есть нечего. Вообще не раздевались. Съедали вши. Клопов не было, им в таких условиях было не выжить, а вшам было комфортно – мыла не было. Когда сейчас, в наши дни я разгребала бабушкину кладовку в ее квартире в Москве, то нашла кусков 20 хозяйственного мыла. Человек, переживший такое, панически боится повторения, нам трудно это понять, в этом и есть наше счастье. Водопровод был на улице, но и он не работал. Мама ходила с ведром на речку. Кругом были трупы. Чтобы набрать воду, приходилось отталкивать их ногами. Когда я спросила маму, что же они ели, она ответила мне: «НИЧЕГО». Но и это было не самым страшным.

Во дворе многие, кто смог, эвакуировались. На втором привилегированном этаже над бабушкой жили Маурины. Квартира была большой, по площади занимала столько, сколько три квартиры внизу. Там были все удобства: и водопровод и даже канализация. У бабушки все было на улице. Сам Маурин работал в горкоме партии. Его жену я помню, видела всего один раз, когда была удостоена чести быть ей представленной. Внешне она очень была похожа на старых эсерок, первых большевичек, которых я видела в кино. Она вообще никогда не спускалась вниз на улицу. Курила крепкие папиросы и пила очень крепкий чай. Помню затемненную комнату, круглый стол, на столе большой самовар, за столом маленькая не худая женщина с гладко зачесанными и собранными на затылке в маленький пучок жидкими волосами, с папиросой в зубах. Поражал цвет кожи на лице – лицо было желтым. Когда у нее заканчивались папиросы, она выглядывала в окно и просила кого-нибудь во дворе купить. Деньги выбрасывала в окно. Бежали и покупали. И никто не удивлялся. У Мауриных было две дочки. Младшая, Авка Маурина, была маминой подружкой. Маурин задолго до прихода немцев вывез свою семью со всем скарбом, без спешки и суеты в Алма-Ату. Сам вернулся.

Бабушкин сосед Маурин, его дочь Ава рядом с моей мамой слева, я и целлулоидная кукла в бабушкиной одежке.

Маурины были интеллигентами, из бывших, во дворе мало с кем общались, но бабушку Таню уважали. Свою большую квартиру и любимую собаку Маурин оставил Лешке Калошину, и во время оккупации Лешка жил в квартире Мауриных. Лешка не был на фронте, хотя был призывного возраста. После войны он женился на дочери начальника НКВД Люське. У них родилась дочь, с которой дружила я, когда приезжала к бабушке летом на каникулы. Она училась в музыкальной школе и играла на мандолине. Мне было интересно ее слушать. После войны у Лешки, единственного во дворе, была машина Победа, и его сарай служил гаражом. В самом конце, когда бабушка навсегда покидала этот двор, именно Лешка помогал маме забирать ее, очень старенькую и больную, в Москву.

Около арки, соединяющей двор с улицей Ленина, справа, жила семья Йозефи, старая женщина с сыном. Когда пришли немцы, сын начал строить мыльный завод и приезжал домой в пролетке. Во дворе жило еще несколько семей, которые не смогли убежать от немцев. Через два дня после возвращения мамы и бабушки домой в квартиру громко постучали. На пороге стояли два немца в шинелях, и, что запомнила мама, на шее у них висели толстые металлические цепи. Бабушку, как жену секретаря райкома, забрали. Продержали ее в подвале 10 дней. Мама от ужаса кричала. Через 10 дней бабушку отпустили домой. Помогло свидетельство о разводе с бабушкой. Но не только. Кто-то помог. Мама всегда думала, что это старуха Йозефи. Но кто-то помог и арестовать бабушку. И тот, и другой жили в нашем дворе.

В 1942 году маме было 16, возраст, когда немцы могли забрать в Германию на работу. Старшую дочь бабушкиной сестры Наташи Клавдию забрали. Согнали из всех деревень девушек и молодых женщин, погрузили в товарные вагоны. Всей этой работой занимались русские, те, которые были недовольны советской властью, пострадали от нее, и появились с приходом немцев. Они были местные, всех знали и очень хотели понравиться новым хозяевам. Бабушка на рынке на какую-то одежду поменяла стакан риса и отнесла знакомой женщине-врачу за справку для мамы о несуществующей болезни. Немцы панически боялись любой заразы, и мама была спасена. Ее двоюродная сестра Клава вернулась домой после окончания войны, работала в Германии на военном заводе от зари до зари. Привезла маме подарок – крепдешинный шарфик, черный в белый горошек. То, что от него осталось, у меня не поднялась рука выбросить, зачем-то храню.

А потом наступил февраль 1943 года, и наши освободили Курск. На санях по заснеженной улице Ленина с жуткой скоростью неслись первые ворвавшиеся в город. Немцы в панике отступали, побросав свои эшелоны с награбленным на станции. Перед отступлением взорвали все, что еще уцелело, заминировали мост, но уничтожить его не успели. Мама замотала голову черным шерстяным платком, который до войны крючком связала бабушка из ниток светло-кремового цвета, и бегом выбежала на улицу Ленина встречать наших. Грязная, чумазая, замотанная грязным платком, она вряд ли вызывала мужскую симпатию. Неожиданно с мчавшихся саней ей прямо в руки солдат бросил буханку хлеба. Такое никогда забыть нельзя.

Вскоре из леса в город пришел к бабушке Тане и дедушка Жора. Оборванный, грязный, очень худой. У одного сапога была оторвана подошва и как-то привязана бечевкой. Свою новую семью, жену Лину и сына Володю, дедушка успел эвакуировать в Саратов. Очень хотел вывезти и маму, но из-за маминой болезни не смог. Лина была младшей сестрой бабушки Тани. Бабушка сама подала на развод с дедом, когда обо всем узнала, хотя ее дети были еще маленькие. Дедушка перевез их из деревни в город, получил для них эту, пускай очень маленькую, но отдельную квартиру в центре, чтобы дети могли учиться. До конца жизни они жили очень дружно. Бабушка, наоборот, жалела Лину, считая, что жить с бабушкой не просто. Все семейные советы всегда проходили с участием бабушки: дедушка считал ее мудрой женщиной. Когда он умирал, то попросил позвать Танюсю (так он ее называл), чтобы проститься. И из Саратова Лину с сыном забирала бабушка. У дедушки было много работы, надо было налаживать жизнь в разрушенном городе.

После войны. В Курске

Как только освободили от немцев город, заработали школы, и мама пошла в восьмой класс, учиться. Через город шли беженцы, они занимали брошенные жителями квартиры, поселились и в бабушкином дворе.

Ближе к лету дедушка настоял, чтобы мама уехала из Курска в деревню к Наташе – он знал, что ожидается жестокое сражение, а в деревне безопаснее. И так случилось, что именно в Наташиной избе стоял штаб армии, где начфином служил папа. В избе была большая комната, где поставили столы, сейфы. Днем Наташа могла ходить по всему дому, готовила еду, а ночью комнату с сейфами охранял часовой, и Наташа с мамой и двумя ее сыновьями Колькой и Шуркой спали в кладовке. И вот однажды в щель дощатой двери в кладовку кто-то просунул записочку с приглашением маме пойти искупаться на речку. Наташа хохотала: какая речка, какой пляж, откуда купальник, – вся деревня умрет со смеху. А это был мой папа. С ним с превеликим удовольствием пошли купаться Колька с Шуркой. Их восторг был неопишуем. Они никогда не видели, чтобы так плавали. «Плавают, как зверь! За один раз переплывает под водой всю речку!» – кричали, вернувшись, они.

Папа действительно плавал лучше всех. На берегу моря в городе Гудаута в Абхазии у него жил родной дядя, бабушки Наташи старший брат, который в Гражданскую был белым офицером, отступал со своей армией до самого моря, да там и остался. Работал землемером, что было уважаемой профессией, надо было быть грамотным и честным. Выучил местный язык. Внешне, худой и очень загорелый, тоже был неотличим от местных. У него была комната с верандой на высокой горе, покрытой фруктовыми деревьями, прямо над морем. Во время учебы папа часто гостил у него. А один раз дядя спас ему жизнь. Папа заболел ревматизмом, опухли ноги, не мог ходить. Дядя выходил его. Помогло море и местный климат. Папа всегда об этом помнил. Пару раз из Курска летом мы ездили к нему всей семьей в гости. Родители спали вдвоем между черным небом со звездами и Черным морем в одном гамаке, привязанным к двум фруктовым деревьям, которые росли на горе.

Я плавать не умела. Мне купили резиновый круг, оставляли плескаться у берега и учиться самой. Папа никакого интереса к моему обучению не проявлял. Мама вспоминала, что научилась плавать, потянувшись за огурцом, который выпал у нее из рук, и ей было жалко с ним расстаться. Она считала, что только похожий случай может сдвинуть мое обучение с мертвой точки. А пока в его, этого случая, ожидании я плескалась у берега. А папа заплывал так далеко и так надолго, что мы уставали ждать его возвращения. Его целью были не буйки, как для всех нормальных людей на пляже, а корабли, которые стояли на рейде и которых с берега не было видно – они были за горизонтом. Плавал он в любую погоду. Особенно любил плавать в шторм, когда на пляже никого, когда море темное и страшное, а по берегу бегают медсестра в белом халате, которая отвечает за режим принятия водных процедур отдыхающими – дело было в военном санатории, – и кричит. А мы с мамой сидим на берегу и успокаиваем ее, чтобы она не кричала и не волновалась и что ее отдыхающий минимум через часик обязательно вернется.

Так что папа прекрасно знал, чем можно покорить такую хорошенькую и очень юную девушку. Папа был на десять лет старше мамы. В то время он был капитаном и имел ордена и медали, что тоже очень нравилось молоденьким девушкам. И еще он был совершенно лысым и очень загорелым, что делало его похожим на знаменитого персонажа Котовского из очень популярного в то время фильма «Котовский». Шевелюру папа потерял, когда служил в Монголии. Местное население, кочевники, жившие в степи в юртах, никогда не мылись. Климат был настолько сухим, что все превращалось в пыль, и новый халат они надевали только, когда старый распадался на ниточки. Воды было мало, и она была соленой. А папа ею мыл голову и потерял волосы. Вторая папина потеря в Монголии – его исключили из комсомола. На привале готовили еду, жгли костры, и он приказал

своим солдатам не гасить огонь, как они делали на Кубани, когда выжигали сухую траву, чтобы быстрее выросла новая, думал, что это правильно. Оказалось, что он навредил местному животноводству, что монгольские животные любят есть именно такую сухую траву. Просто сочной вкусной кубанской травки они, бедные, никогда не пробовали. А папа не знал. Потом его в комсомоле восстановили, но вернуть потерянную шевелюру уже никогда не удалось.

Так в преддверии великой битвы Второй мировой войны недалеко от места сражения и начался их роман. Папа уже считал бабушкину квартиру в Курске своим пристанищем. Уходя на фронт, оставил у них свои вещи: шинель и белые командирские бурки. Притащил откуда-то фанерный почтовый ящик с мукой, в которой были закопаны несколько гусиных яиц.

Мои родители. 1944год.

Мама поступила в медицинский фельдшерско-акушерский техникум в Курске, сдала выпускные экзамены прямо перед моим рождением. По моему глубокому убеждению, мама должна была быть врачом, обязательно детским врачом, и в Курске для этого были все условия – прекрасный медицинский институт еще с дореволюционной историей, и мама с ее большим желанием и упорством, но все сломала, искорежила война.

Мои родители. 1945 год.

Пожились они в 1945 году. Папа официально просил руки дочери у дедушки Жоры. Дедушка сказал, что даст свое согласие только при условии, если его будущий зять решит одну математическую задачку (прямо, как в сказке). Саму задачку я не знаю, но папа помнил ее и пересказывал мне. Задачка была по комбинаторике с очень запутанным нагро-

можденным условием, решить которую без знания специальных формул было невозможно, надо было выполнить много вычислений, но папочка решил, и решил правильно. Не спал всю ночь, считал. Дедушка был страшно доволен, что отдает свою дочь в руки достойного и умного человека. Они много спорили о политике, до крика, не уступая друг другу. Папа был очень ревнивым, ревновал маму к ее одноклассникам, одноклассникам, к соседям во дворе, особенно к Лешке Калошину. Так продолжалось всю нашу жизнь.

Папа, мама и я – дружная семья.

Про бога

Папа был неверующим, ярким атеистом. Все, что связано было с богом и с упоминанием о боге, приводило его в бешенство. Мальчишками, во время пасхи они воровали куличи из церкви, которые приносили верующие. Когда я родилась, его в Курске не было. Рождение дочери было для него неприятной неожиданностью, он ждал только мальчика, Юрочку.

В письме написал маме, что ему все равно, какое имя будет у дочки. Бабушка с мамой назвали меня Галиной и окрестили в местной церкви. За все мое детство это посещение церкви было единственным. Когда через месяц папа вернулся из командировки и увидел у меня на лбу и на затылке по родимому пятнышку, как у него самого, то сильно расчувствовался, устроил целый скандал по поводу галки-вороны и потребовал назвать меня Любовью. Но тут взбунтовалась мама. Сошлись на нейтральном – Людмила. А меня продолжал охранять ангел-хранитель Галины. Так я и росла. Без церкви, без икон, с не моим ангелом за спиной. Но в бога я верила, очень искренне. Я знала, что он всегда со мной, защитит и поможет, надо только попросить его. Молиться я не умела.

Помню, как утром, собираясь в детский сад, я потеряла один чулок. Всю одежду вечером я должна была складывать на стул около кровати. Такой был порядок. А одежды у нас, девочек, да еще зимой, было очень много. Мы носили такие маечки, сшитые из плотной материи, без рукавов, на пуговичках. К ним крепились широкие резинки с собачками, к которым цеплялись чулки. Вот такой темно-коричневый в мелкую резинку чулочек я и потеряла. Это было для меня настоящим несчастьем, мама из-за меня могла опоздать на работу, ну а я – в детский сад. И вот я ползаю на коленках под кроватью в темнотище и шепчу: «Боженька, пожалуйста, помоги мне найти мой чулочек». И нашла.

* * *

В тот день, когда умер Сталин, я проснулась от маминого плача. Для меня этого было достаточно, чтобы заплакать самой. Это было общее горе и для меня тоже. Я очень боялась, что опять может начаться война. Я представляла себе войну очень реально. Голод, бомбежки. Я была уверена, что невозможно прожить целую жизнь без войны, но молила бога, чтобы она началась попозже, не так скоро. Каждый прожитый год я для себя отмечала, что посчастливилось прожить его без войны.

С уходом Сталина в моем понимании война стала к нам ближе. Как мы будем жить без него? В нашей комнате висел портрет Сталина, а у папы было полное собрание его сочинений в красивых коричневых корочках. Других книг таких же красивых и толстых у нас не было.

При наших постоянных переездах позволить себе такую роскошь родители не могли. У нас был один и тот же набор мебели, которую папа после войны привез из Германии: половинка двуспальной кровати (линия распила, сделанная папой, была видна), две тумбочки, трехстворчатый шкаф и комод с зеркалом. Эта мебель сопровождала нас везде. Ее перевозили не только на машине или на подводе, но и на осле и даже на верблюде. Она разбиралась на досточки, а собирали и устанавливали в комнате только то, что помещалось. Кровать, конечно, отпиленной стороной ставили к стенке. Когда-то эта мебель была роскошной: она была из очень дорогого красного дерева, покрыта сверху лаком, а все поверхности были красиво изогнуты. После долгого и верного служения нам мебель имела очень неприглядный вид, только по отдельным не поцарапанным участкам поверхности можно было судить о том, какая она была красивая раньше. Иногда мама вздыхала: «Ее бы в руки хорошему мастеру-краснодеревщику».

Под Новый год мне покупали толстую книжку большого формата со стихами, сказками и множеством картинок. Она называлась календарем, и на обложке стоял новый год. Мне нравились такие книжки, и я ждала, когда мне ее купят. Каждый раз на первой странице такой книжки был цветной портрет Ленина, на второй странице – портрет Сталина. Перед праздниками такие портреты вывешивали на улицах. Проезжая на трамвае по улице Ленина мимо портрета Сталина, меня взрослые спрашивали: «А ты знаешь, кто это?» И я с радостью отвечала: «Дедушка Сталин!» Это была такая игра. В нее играли и взрослые, и дети.

Лето на Кубани у бабушки Наташи, папиной мамы

Не могу понять до сих пор, как могли мои родители отправить меня на лето к бабушке Наташе отдыхать. Видимо, мама все-таки побоялась отпустить меня одну, поэтому со мной была бабушка Таня. Родители поехали к морю, высадив нас с бабушкой из поезда на станции города Курганинск. Как-то мы сами смогли добраться до станицы Михайловская, где жила бабушка Наташа. Нас не ждали.

Дом был большой и мрачный. В центре двора стояло высокое абрикосовое дерево, и больше ничего во дворе не было, кроме высоченного бурьяна и дровяного сарая. Сельским хозяйством бабушка заниматься не любила, для ее деятельной активной природы нужны были другие масштабы, чем копанье в огороде. Например, она находила грузовик с шофером, скупала у своих соседей по дешевке чеснок и отправлялась за Урал на рынок.

Нас она встретила со словами, что приехали нахлебнички. Но быстро поняла, как можно и из этого неприятного для нее события извлечь выгоду. Взяла у соседей ручную швейную машинку и всем объявила, что у нее будет жить портниха. И люди стали приносить разный материал, чтобы бабушка Таня сшила им кофточку или юбку. В качестве платы в основном была дюжина яиц, завязанных в тряпичный узелок. И бабушка Таня подчинилась. Мне было 6 лет, и я была только нагрузкой. Бабушка Таня за меня очень переживала. Она не могла без разрешения покормить меня, искупать. С бабушкой Наташей жила ее младшая сестра Дуня, несчастная больная женщина, которая выполняла всю работу по дому. Очень боялась бабушки Наташи и звала ее няней.

В доме было несколько комнат, самая большая называлась залой. Комната была пустой, только около стены стояло несколько мешков с крупой, мукой и сушеными фруктами. Все окна занавешены одеялами, так что всегда было темно. В углу под потолком висела икона, а под ней на полу стоял посылочный фанерный ящик, полный яйцами. Бабушка Таня пыталась брать для меня по одному яичку. Иногда ей это удавалось, если не

видела Дуня, которая строго говорила, что надо спросить разрешение у няни. Бабушка Наташа часто молилась, стоя на коленях перед иконой. Меня она тоже поставила на колени и показала, как надо креститься. Я проделывала все это чисто механически, не отождествляя своего бога с тем, который был на иконе. Но папочке, как только он за мной приехал, я сразу же продемонстрировала, чему научила меня его мама: бухнулась на колени перед иконой и стала биться лбом об пол. Сейчас мне кажется, что я понимала, какие могут быть последствия моего спектакля. И не ошиблась. Был скандал. Папа обвинял бабушку в мракобесии и отсталости, а она заглушала свою обиду, в исступлении дергая свой высоченный бурьян во дворе со словами, что ей никто не помогает и что все она должна делать сама.

Вечерами мы с бабушкой Таней ходили гулять по станице. Никогда не забуду, какое чувство умиротворения я испытывала. Солнце садилось. Воздух был прозрачный. Мы шли по дорожке между посадками абрикос. Слышалась мощная многоголосная песня – где-то коллективно строили дом и вечером вместе отдыхали. Сильная протяжная красивая песня в сочетании с большим открытым пространством и небом с закатными алыми мазками создавали непередаваемые ощущения. Абрикосы были главными в станице. Абрикосов было море. Все дворы, крыши, любые возможные поверхности были застелены газетами, на которых плотно-плотно лежали раскрытые абрикосы так, что все вокруг было оранжевым. Абрикосы ели и собаки, и кошки, и даже клевали куры. Абрикосы, не спелые, добавляли для кислоты в борщ. Вечером хозяйки собирали на насест своих संबодолюбивых кур. Они гуляли, где хотели, и неслись, где хотели, тоже. Иногда куры сами выбирали себе понравившийся им уголок где-нибудь в зарослях и там откладывали яички. Одна курица забрела во двор к бабушке, я стала ее прогонять, а она сидит и не уходит. Когда убежала, то оставила мне теплое, розовое яичко. Мне было очень жалко и стыдно за то, что я ее прогнала.

Несмотря на странное небабушкино ко мне отношение, я никогда бабушку Наташу не боялась. Она могла подойти ко мне и ни с того ни с сего больно-больно меня ущипнуть. Я даже не плакала, а удивлялась: за что? Но я знала, что она моя бабушка, папина мама, а я ее внучка и это главное. Другое дело – моя мама. Ей доставалось по полной программе. Хитрость, коварство и беспощадность по отношению к ней каждый раз были непредсказуемы и неожиданны, а методы часто очень жестокие. По возвращении домой мама каждый раз попадала в больницу с обострением болезни желудка. Я маму очень жалела, переживала и всегда была на ее стороне. Но я была маленькая и защитить ее не могла.

Бабушка Наташа все время говорила, что она больная и что ей надо лечиться. Закутывалась в жару в бесконечное количество теплых шалей, а потом говорила, что ее «поты замучили». Поздним вечером Дуня ей устраивала лечебную ванну. Посреди двора она ставила большую бочку, в которой кипятком запаривала полынь, крапиву и еще какие-то одной бабушке известные травы. И вот, когда во дворе было совсем темно, бабушка забиралась в эту бочку и долго, пока в ней не остывала вода, сидела. Из бочки торчала одна ее голова. А над ней на темном небе горели крупные яркие звезды. Вид ее четкого профиля с крючковатым носом напоминал мне ступу с помелом рядом с избушкой на курьих ножках.

Однажды к нам пришел очень худой молчаливый плохо одетый человек с грустными глазами, ночевал всего одну ночь. За еду починил бабушке сарай. Я чувствовала, что он добрый, хороший, только очень уставший, и перед сном что-то почитала ему из своей детской книжки. Я видела, что ему нравится меня слушать. Он задавал мне вопросы – я отвечала. Помню его огромные черные ботинки без шнурков. Он шел к себе домой, пешком, у него совсем не было денег. Это был 1953 год.

Когда приехали за нами родители, то нашли меня с нарывающим чирьем на боку, шрам от которого остался до сих пор, и со вшами в волосах. Они очень удивлялись, как под присмотром двух, даже трех, если считать Дуню, бабушек, можно было одного чистенького здоровенького ребенка меньше, чем за один месяц, превратить в чумазого беспризорника.

Я иду в первый класс

В первый класс я пошла в Курске. Мне было шесть лет. Тянуть с моим обучением было уже опасно, мне было бы просто не интересно учиться в первом классе. Форму с белым фартучком мне сшила бабушка. Первое сентября прошло нормально, я подружилась с девочкой. Из школы мы шли вместе, и я удивляла ее, читая по дороге названия магазинов и все, что попадалось на глаза. Второго сентября утром мама рано убежала на работу, показав на часах, во сколько она за мной вернется и проводит в школу. Я оделась, собрала свой большой тяжеленный портфель и стала ждать. Каждую минутку смотрела на часы и волновалась, что опоздаю в школу (какой ужас!), что все уже сидят за партами в классе, а я здесь, что мама могла перепутать время, что ее что-то задержало и она не сможет придти вовремя. И я решилась. Бросила дом открытым и пошла в школу сама. Мама прибежала – меня нет. Побежала к школе. Меня нет и никого нет. Занятия начнутся через час. Около входа – нянечка. Мама к ней. «Да, слонялась тут одна первоклашка с большим портфелем пока я не сказала ей идти домой». И тогда, и всегда, и по сей день я боюсь забыть, опоздать, не успеть. Мучаюсь сама и мучаю окружающих, тех, кто рядом.

Прочилась я в Курске всего одну четверть. Очень жалко, что не помню свою первую учительницу. Воспитательницу в детском саду помню, а учительницу нет.

* * *

Папа все время ездил в командировки, часто – в Москву, иногда брал с собой маму. Она работала в железнодорожной поликлинике и могла пользоваться бесплатным билетом. Со мной оставалась бабушка Таня. Мама привозила мне из Москвы печенье в коробочке с названием «Палочка-выручалочка» и обязательно что-нибудь из одежды. У меня была шляпа-капор бирюзового цвета на завязочках под подбородком с полями, как у русского кокошника. Это давало мне преимущество при выборе на роль царицы, когда мы играли в детском саду. Какая же может быть царица в платочке на голове, завязанном крест-накрест, как у всех других девочек в нашей группе?

Детский сад. Я в центре в шляпе.

На этот раз мама привезла мне невиданные мной раньше богатства: цветной пластилин в красивой коробочке и стальные перышки для ручки с золотыми кончиками там, где перышки при письме раздваиваются.

В детском саду мы лепили много, но только из одноцветной глины, да и сам процесс лепки не был простым занятием – надо было мочить руки в воде. А писали мы сначала карандашами, а потом ручками. Ручка была деревянной палочкой с металлическим наконечником, к которому крепилось съёмное стальное перышко, раздвоенное на конце. Перышко смачивали чернилами из чернильницы и писали, пока чернила на перышке не заканчивались. Хватало на несколько букв. Потом перышко надо было опять опускать в чернильницу. Учиться писать чернилами было трудно. Если на перо попадало больше чернил, чем надо, – поставишь кляксу. Еще надо было писать красиво: когда рука шла вниз, то с нажимом (раздвоенный кончик пера расширялся и линия получалась толстой), когда наверх – то волосяной линией. Когда много позже вводили в школах шариковые ручки, которые пишут линией одинаковой толщины, многие были против, боялись испортить детский подчерк. Сейчас же мы боимся, как бы наши дети вообще не разучились писать, когда можно печатать на клавиатуре.

Я – первоклассница.

Первые написанные мной чернилами буквы были очень некрасивыми. Я так старалась и оттого рисовала букву так медленно, что дрожание моей напряженной руки было видно на бумаге. И мне за букву «а» в тетрадке учительница поставила тройку. Я удивилась. Я думала, что, если очень стараться, то обязательно будет пять. А потом посмотрела на свои буквы со стороны и поняла, что главное не старание, а результат. И учительница права: мои буквы не тянут на пятерку.

На этот раз родители сказали мне, что мы переезжаем жить в Москву. Я помню, что меня переполняло ощущение невероятного счастья, у меня была цель увидеть Красную площадь и Кремль, которые были у меня на картинках в книжках. В школе я еще не успела с кем-нибудь сильно подружиться, и переживаний по поводу расставания со школой у меня не было. Я сразу же отнесла свои богатства в класс, раздарила перышки, попрощалась. Впереди у меня была новая жизнь, я мечтала о том, что меня ждет.

Мы едем в Москву

В Москву ехали поездом целый день. Внутри у меня все прыгало от предвкушения волшебного чуда. Наконец по радио очень торжественно объявили, что мы прибываем в столицу нашей родины город Москву. Я была уверена, что, выйдя из поезда, сразу же увижу Кремль, но увидела только темный перрон под крышей.

Была поздняя осень 1954 года, асфальт был в отражающих свет фонарей лужах. Моросил холодный дождик. Мы сели в такси и поехали. Я не давала волю разочарованию. Уговаривала себя, что уж из машины по дороге обязательно увижу Красную площадь. Но вместо Кремля видела освещенные витрины магазинов и непривычно много людей. Ехали мы на улицу Палиха, что около метро Новослободская.

Родителям с большим трудом удалось найти для нас двенадцатиметровую комнату в коммунальной квартире на пятом этаже пятиэтажного серого дома довоенной постройки. Особенностью нашей комнаты было то, что жили мы в ней вместе с хозяйкой. Хозяйка работала телефонисткой на телефонной станции, что давало преимущество нашей квартире – в коридоре был установлен большой черный телефонный аппарат. У хозяйки сын сидел в тюрьме за то, что обворовал соседей по квартире, пожилую супружескую пару. И пока его не было, в комнате поселились мы.

В комнате на правой стороне от двери стояла железная кровать хозяйки за ширмой, рядом с кроватью ее шкаф, в котором она выделила маме узенькое отделение с полками за стеклянной дверкой, прямо напротив двери в комнату было окно, а на левой стороне стояла кровать родителей и маленький топчан для меня.

Посреди комнаты стоял стол, а под столом около самого пола на перекрестии досок, соединяющих ножки стола, был мой домик. Свисающая со стола клеенка закрывала меня от внешнего мира. Там я любила сидеть, играть, мечтать и слушать музыку, которую передавали по радио. Репродуктор висел на стене.

Однажды я услышала волшебную музыку, которая так мне понравилась, что я захотела, чтобы ее было слышно еще громче, чтобы мама на кухне тоже ее услышала. Я схватила телефонную трубку со шнуром и вилкой на конце и воткнула ее в электрическую розетку. Сильный удар, который отшвырнул меня к стене, оборвал красивую мелодию. Меня первый раз по-настоящему ударило током. Эту телефонную трубку, предназначенную для других розеток, притащила с работы хозяйка. Она вообще была нечистой на руку. По сути дела мы жили в одной комнате с воровкой.

И об этом маме сразу же рассказали соседи. Мама не работала. Днем одна из соседок могла позвонить маме и попросить: «Валечка, пожалуйста, проверь, завязала ли я кастрюльку с супом?». Неоднократно наша хозяйка была поймана соседками во время кражи мяса из супа, поэтому они привязывали крышку к ручкам кастрюли. А чтобы мама поверила, соседки посоветовали ей поставить в шкаф полную сахарницу и некоторое время ее не трогать. Через несколько дней сахара осталось на доньшке.

Я тоже увидела, как хозяйка ножичком вытаскивала из щели моей копилки-кошки денежки. Предварительно она отсылала меня в коридор позвонить по телефону и узнать, сколько времени. Мне очень нравилось набирать цифру «сто» и слушать голос тети. Просто так играть с телефоном мне не разрешали, а тут я выполняла просьбу взрослой. А эта взрослая была воровка. Мне очень не понравилось, что берут мою копилку. Я все рассказала маме, но на этом все и закончилось.

* * *

В школе я была совсем одна. Первые дни меня провожала и встречала мама, а потом я ходила сама. И это было для меня жуткой пыткой. Во дворе нашего дома всегда гуляли дети. Они были меньше меня, в школу еще не ходили, но их было много. А главным среди них был мальчик из моего класса по имени Боря. Он знал, что я новенькая, никого не

знаю, и он видел, что я боюсь их и что мне очень страшно. Как только кто-то из мальчишек замечал меня во дворе, вся их свора с криком бросалась за мной, пытаюсь поймать. Когда мне удавалось добежать до моего подъезда первой, я была спасена. Если они видели что им меня не догнать, то бросали в меня ледяные снежки, что было очень больно.

Маме про свой страх я не рассказывала. Почему-то я была уверена, что об этом ей знать не надо. Это была часть только моей жизни. Но однажды мама все-таки обо всем узнала. Она готовила на кухне обед и ждала меня из школы, поглядывая в окно. И увидела, как мальчишки тащат меня за руки и за ноги по снегу. Она прямо в шлепанцах и летнем халате сбежала по ступенькам с пятого этажа, выбежала на улицу и закричала. Мальчишки бросили меня и разбежались. Маме удалось схватить за меховой воротник пальто одного из них, самого маленького. Она приподняла его, и в ее руках остался только один воротник, а сам мальчишка убежал. После этого случая меня оставили в покое. А мальчик Боря однажды позвонил в дверь нашей квартиры, позвал меня и спросил, могу ли я одолжить ему перышко для ручки, у него все кончились. Я, конечно, дала.

Половина нашего класса были отличники. Я тоже была среди них. То, что я чем-то отличаюсь от своих одноклассников, я не замечала. Первый раз это случилось на уроке физкультуры. Раздевались мы прямо в классе, вешали форму и всю снятую одежду на спинку парты, а потом уже строем шли в спортивный зал. И вдруг я увидела, что у всех девочек и мальчиков короткие сатиновые физкультурные шаровары синего или черного цвета, а на мне голубые байковые штанишки в белый горошек, сшитые еще бабушкой Таней в Курске. Самое удивительное, что надо мной никто не смеялся и не дразнил. Это открытие я сделала сама и, придя домой, попросила маму как можно быстрее купить мне такие же шаровары, как у всех. Но эта задача оказалась для моей сильной, красивой, умной мамы очень трудной, почти невыполнимой. Мама совсем не знала Москву и дальше моей школы и соседнего магазина никуда не ходила.

Становиться настоящими москвичками и мне, и маме было очень трудно. Надо было уметь одеваться, как москвички, говорить, как москвички, ездить на метро, ходить в толпе и много еще чего, о чем невозможно заранее догадаться. Я, например, долго в таких словах, как пионер, крем, вместо звука «е» произносила «э». Маме очень помогали соседки. Объясняли, как куда-то доехать. При этом говорили, что надо сесть на Букашку или на Аннушку. Я не сразу поняла, что они говорят про трамвай. Потихоньку мы привыкали к новой московской жизни.

Родители ходили в театр. Маминым любимым был театр оперетты. В то время можно было купить билеты и в Большой. Однажды они слушали оперу «Пиковая дама», сидели в партере. И во время сцены, когда призрак Графини в белом саване пролетает по воздуху, мама настолько испугалась, что схватила за колено сидящего рядом мужчину, перепутав его с папой. Она настолько была захвачена происходящим на сцене, что забыла, с какой стороны от нее сидит ее муж. И этот бедный мужчина тоже, похоже, забыл, где он находится, и закричал от ужаса на весь зал.

Моим художественным воспитанием занималась в основном школа. Мы довольно часто с классом ходили в детский театр ТЮЗ. У наших соседей был телевизор КВН, и они часто приглашали меня на мультфильмы. Экран был очень маленький, перед ним ставили линзу, чтобы увеличить изображение, но мне смотреть телевизор очень нравилось. Меня сажали на стул близко к экрану и, когда заканчивалась детская передача, я не уходила и смотрела все подряд: про сталеваров и про комбайнеров, про наши стройки – мне все было интересно. Позже родители тоже купили телевизор «Ленинград». Он был очень большой, был разделен на две половинки: слева радиоприемник, а справа телевизор, закрытый отодвигающейся шторкой так, что, когда шторка была закрыта, было трудно догадаться, что это телевизор. Казалось, что это огромный радиоприемник. Свой телевизор уже не вызывал такого восторга, как у соседей.

Когда я заканчивала первый класс, вернулся из тюрьмы сын хозяйки и стал навесывать упущенное им время – в нашей комнате начались шумные застолья на всю ночь.

Папа, как всегда, большую часть времени был в командировках, а мы с мамой ждали его и терпели. Я два раза переболела воспалением легких – нашим пьяным соседям по комнате не хватало свежего воздуха, и они устраивали сквозняки.

Наконец, родителям очень повезло и они нашли отдельную комнату семи метров. Жильцы, муж с женой, решили завербоваться в Магадан, заработать деньги, а потом вернуться в Москву. Деньги за комнату они потребовали вперед, и родители заплатили им за десять месяцев. И вот 30 апреля я с мамой иду в милицию прописываться в новую комнату. Настроение приподнятое: с мамой мне всегда и везде было хорошо, я закончила первый класс со всеми пятерками и завтра первое мая, любимый праздник с салютом. Хозяева уже купили билеты на поезд до Магадана, комнату нам освободили – можно въезжать хоть завтра, правда, получив от родителей денежный аванс, праздновали всю ночь и на радостях в предвкушении новой для них жизни разбили стекла в окне уже почти нашей комнаты.

В милиции их быстренько выписали, а когда стали разбираться с нами, начальник отделения, подполковник, сказал маме, что нас втроем на семь квадратных метров площади прописать не имеет права, не позволяют санитарные нормы. Прописать одного папу, как военнослужащего, он может, а вот с семьей – никак. Мама стала плакать и упрашивать его спасти нас – мне надо идти в школу, она хотела устроиться на работу, а без прописки мы даже жить в Москве не имеем права. 30 апреля – предпраздничный день, у всех нерабочее настроение, укороченный рабочий день. И начальник милиции пожалел нас, он сказал маме ехать к начальнику санэпидемстанции города Москвы за специальным разрешением. И мама поехала. Стояла жуткая жара. Мама тащила меня за руку. Мы ехали на каких-то автобусах очень долго. Здание санэпидемстанции охранялось, войти внутрь без пропуска было нельзя. Мама везде плакала и умоляла. Я была чуть живая от усталости. И нас пропустили. Огромное помещение, празднично накрытые столы, нарядно одетые женщины и заплаканная моя мама с маленькой девочкой, то есть со мной. Начальник, уже сидя за праздничным столом, подписал разрешение на то, чтобы мы могли жить с папой в комнате семи квадратных метров. Начальник милиции ждал нас с мамой, не ушел, хотя его предпраздничный рабочий день давно закончился. И поставил в мамином паспорте штамп прописки по адресу улица Маркса-Энгельса.

У меня началась новая, совсем другая жизнь. Мы жили в очень маленьком одноэтажном доме грязно-желтого цвета с облупившейся штукатуркой и перекошенной входной дверью. Наш дом был продолжением другого, такого же, как наш, тоже одноэтажного, но более ухоженного. В нем была квартира коменданта или домоуправа всеми постройками во дворе. Самым большим домом было длинное двухэтажное здание, которое протянулось вдоль улицы и было таким же грязным и ободраным. За ним и был тот двор, где играли мы, дети. Здесь была и столярная мастерская, и гараж для грузовых машин, и, главное, во двор выходило окно, где в зубном кабинете работала мама. В торец двора напротив нашего дома выходила стена поликлиники Академии наук, куда мама устроилась работать. Я всегда могла подбежать к окну на уровне земли, заглянуть в него и увидеть маму. Детей было много. Мы играли в мяч, в прятки. Двор был засажен разросшимися кустами сирени, где мы устраивали домик для бездомных котят, лечили их и таскали потихоньку для них из дома еду.

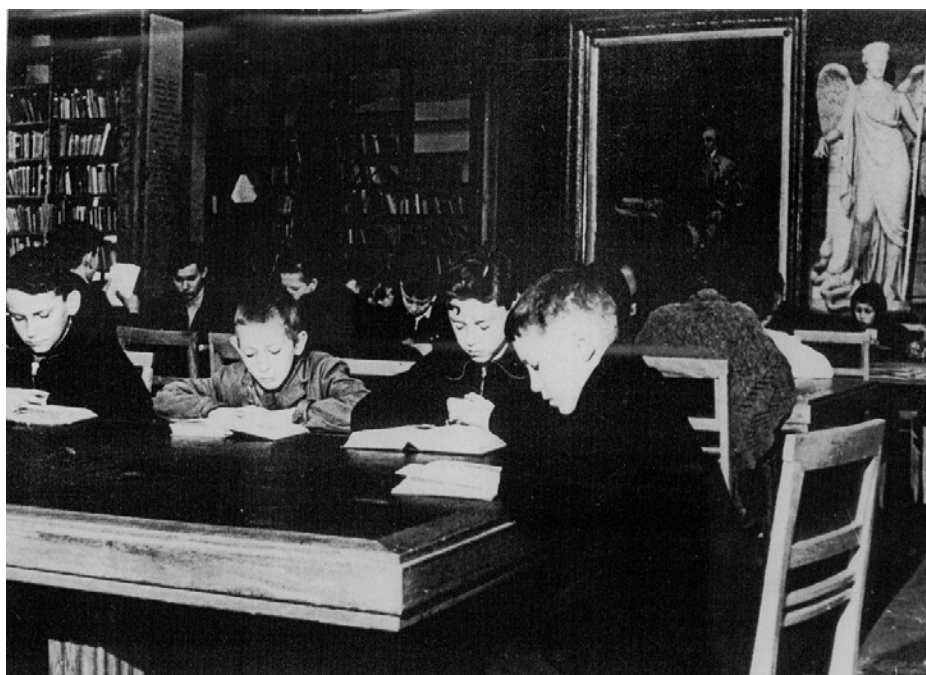

Что осталось от моего дома к 1970 году

Дом после реставрации. Окошко справа от входа – мое.

Во дворе жили две девочки-сестрички, они выносили на улицу очень интересные книжки, красивые, с картинками, большого формата. И мы, сидя на лавочке, по очереди читали вслух. Помню совершенно фантастические арабские сказки с удивительными, неизвестными мне сказочными персонажами: шейхи, дервиши, джинны – так не похожими на наши русские, которые я знала. Невероятным везением для меня была возможность записаться в детский читальный зал Ленинской библиотеки. Он был открыт еще во время войны в 1942 году в Румянцевском зале Дома Пашкова. Всю войну он работал, чтобы маленькие москвичи и в это тяжелое время могли читать хорошие книжки. Во время бомбежек детей уводили из зала в бомбоубежище. У меня был настоящий читательский билет – книжечка в твердой обложке желтого цвета. Я сама, когда хотела, приходила и брала любые книжки. Они стояли на полках в открытом доступе, не было никаких каталогов и не надо было никого просить. Я просто выбирала самую красивую, садилась за стол и читала.

Фотография Детского читального зала из фонда Ленинской библиотеки.

Комната наша была маленькая. Но мы в ней жили одни, и папа часто вздыхал: «Вот бы она была нашей». По одну сторону от окна стоял мой топчан, по другую – кровать родителей. Под окном – маленький столик, где мы ели и я делала уроки, сидя на своем

топчане. Моим шкафом для одежды был вбитый в стену над топчаном большой гвоздь, где висела вешалка или с моей школьной формой, если я была дома, или с домашней одеждой, если я в школе. Папа вбил этот гвоздь повыше, чтобы я не поранилась, достать до него я могла только забравшись с ногами на топчан. А между нашими кроватями на полу с головой под столом обязательно кто-нибудь ночевал. Мы были единственными из наших многочисленных родственников, кто жил в Москве, и все хотели к нам в гости. Родители воспринимали это как должное, неизбежное и никогда никому не отказывали в гостеприимстве. Доходило до абсурда. Однажды к нам приехали муж с женой, тетя Клава и дядя Петя, которые жили с нами в Киечевке. Дядя Петя служил с папой в одной части, а тетя Клава работала продавцом в местном военторге. Потом они долго жили в Германии и переводились в Ленинград через Москву. Дядя Петя был военным в чине майора, но не имел даже среднего образования. Его карьере грозила большая опасность – увольнение. Решение этого вопроса требовало времени. Из Германии они приехали прямо к нам со всеми своими вещами: огромными чемоданами и коробками. Заняли не только комнату: пришлось кровать родителей поставить на кирпичи, чтобы под нее влезли их чемоданы, но и все свободное пространство в нашей крошечной коммунальной квартире. Родители вдвоем спали на раскладушке в общественной кухне. Тетя Клава достала из чемодана большую очень красивую немецкую куклу в голубом шелковом платье с закрывающимися глазами и посадила ее на тумбочку. Мне дала ее только подержать, и я стала мечтать, что, наверное, она хочет ее мне подарить, но не сейчас, а позже. Мне эта мысль так понравилась, что я в нее поверила и стала терпеливо ждать. Когда никто не видел, я брала ее на руки полюбоваться поближе. И наконец родители просто не выдержали, да и нашим соседям, хотя маме никто даже слова жалобы не высказал, было очень неудобно. Кухня служила всем нам и ванной тоже – в квартире была единственная раковина с краном холодной воды и только на кухне. Мама сняла для наших гостей комнату в нашем же дворе у коменданта. Тетя Клава была очень недовольна – за комнату надо было платить, а у нас она жила бесплатно, да еще мама все деньги, которые откладывала на новое зимнее пальто, отдала ей, русских денег у нее не было. Деньги она не вернула и, переезжая, забрала и мою куклу.

Папа, мама и тетя Клава с мужем около нашего дома.

Мама, видя мое горе, повела меня в Детский мир в игрушечный отдел на первом этаже. Я задыхнулась от количества самых разных кукол в самых разнообразных одежках: не только в платьицах, но и в брючках, курточках с золотыми пуговицами. Мама мне сказала, чтобы я выбирала любую. А я закрыла глаза на все это великолепие, сказала себе, что они очень дорогие, на них трудно шить новую одежду и выбрала маленькую, тряпичную с пластмассовой головой и приклеенными волосами из пакли. Мне показалось, что мама обрадовалась моему выбору, и по дороге домой обещала помочь сшить новой кукле новую пижамку. Кусочек полосатого трикотажа как раз по ее размеру у нас уже был. Я тоже не чувствовала себя несчастной, наоборот, была гордой, что сделала правильный выбор: в нашей маленькой комнате мне такая роскошь была ни к чему.

Зима. Валенки с калошами, шуба, меховая шапка с ушами. Шарфик – для красоты, только для девочки. За спиной – мой дом.

Зимой к нам приехал мамин сводный брат дядя Вова. Он должен был служить в армии целых три года матросом в Риге. «Поеду-ка я в отпуск к своей сестричке Валечке» – так он сказал маме, как только появился. И все мы должны были очень обрадоваться его выбору. Дядя Вова был очень высокий, поэтому и служил во флоте. Приехал в морской тужурке, на голове – бескозырка с ленточками и, конечно, тельняшка. А в Москве мороз. И был он весь такой веселый, радостный, все ему было нипочем, впереди его ждала счастливая жизнь. И все вокруг него тоже должны быть такими же счастливыми. Был влюблен во всех телевизионных дикторш, знал их по имени, и я была уверена, что все они бы обязательно не устояли перед ним, если бы им посчастливилось вдруг его встретить. Казалось, и он в это верил, что для него нет ничего невозможного в этой жизни. Ему только надо захотеть.

До армии Володя работал в Курске на кондитерской фабрике, в цехе, где охлаждали «Мишек на севере». Рассказывал мне про свою работу. Я ему очень завидовала и мечтала тоже работать на такой фабрике и целыми днями есть «Мишек». Денег у дяди не было, но он сразу повел меня в кондитерский и сказал, что купит мне любую шоколадку. Я даже помню витрину, на которой эти шоколадки были разложены рядами. Выбрала я шоколадку, на обертке которой был нарисован малыш, а внутрь поверх плитки шоколада в серебряной бумаге был вложен сложенный листок, на котором нарисованы цветные одежки для малыша с обертки. Их надо было вырезать. Одежки и самого малыша я хранила в коробке, а шоколадку, наверное, съела.

В нашей квартире жили еще две семьи. Очень тихая, несчастная женщина с сыном, моим ровесником. Он учился со мной в одном классе, но дружить с ним я не хотела, я его презирала. Один раз, сидя на лавочке во дворе, мы с одной соседской девочкой говорили о мальчиках: кто кому нравится. Разговор был очень доверительный. Был вечер, довольно темно, и мы были уверены, что нас никто не слышит. Она мне сказала, какой мальчик нравится ей, а я открыла ей свою тайну. И вот, когда в очередной раз мы все вместе играли в круговую лапту, мой сосед громко сказал, что я влюблена и показал пальцем в кого. «А про тебя я тоже знаю, но пока не скажу» – сказал он моей подруге. Та замерла от ужаса, а я чуть не умерла от стыда и готова была провалиться сквозь землю. Мой избранник тоже особой радости не испытывал. Мы все были растеряны, кроме моего очень довольного соседа.

Вторая семья в квартире – это старушка с большими золотыми серьгами в ушах и ее уже немолодая дочь. К ним часто приезжала на машине внучка, которая жила отдельно и, видимо, неплохо помогала им. В центре их комнаты стоял круглый стол, накрытый белой кружевной скатертью, на нем – большая хрустальная ваза, полная мелочью. Если маме нужно было разменять крупные деньги, она всегда обращалась к ним. Однажды к нам в гости приехала бабушка Таня и в один из дней пошла в ближайшую действующую церковь. На паперти сидели нищие. Бабушка дала мелочь одной старушке и неожиданно узнала в ней нашу соседку по квартире. Наконец мама поняла, что может лежать в маленьком сундуке в коридоре, который каждый раз ей приходилось отодвигать, чтобы помыть пол, когда дежурной по квартире была наша семья. Сундук был неподъемный. Там могла храниться милостыня нищенки.

Вечерами, когда папа еще не пришел с работы, мы с мамой забирались на ее кровать, брали песенник и пели. Мне очень нравилось с мамой петь песни. У мамы был немного хриловатый голос, она говорила, что, когда ей удаляли железы, повредили голосовые связки, и она всегда переживала, что дети, с которыми она работала, будут ее бояться, но этого никогда не было. Дети ее всегда любили, несмотря на уколы и прививки. Песенник обязательно начинался с Гимна Советского Союза, потом шли песни про Ленина, Сталина и про партию. Мотивы всех этих песен были у нас на слуху – их постоянно пели по радио, но мы их всегда пропускали. Потом шли военные песни типа «Синенький скромный платочек» и русские народные. Все их мы с мамой пели подряд, подсматривая в песенник, когда забывали слова.

В школу я пошла ближайшую к дому и мне очень повезло, что ею оказалась знаменитая в Москве школа номер 57. Только очень жалко, что я проучилась в ней лишь один год во втором классе. Про эту школу известно, что она была основана более 130 лет назад в Малом Знаменском переулке (так называлась улица Маркса–Энгельса, когда в эту школу ходила я, и так она называется сейчас).

Самым ярким воспоминанием для меня оказались уроки физкультуры, настолько яркими, что я на всю жизнь запомнила имя учителя – Джеймс Владимирович. Я даже записалась к нему в секцию художественной гимнастики. В большом физкультурном зале на полу лежали маты, и мы группками по несколько человек тренировались. Джеймс Владимирович ходил по залу и следил за всем, что происходило, слышен был его громкий голос. Обычно очень сдержанная, молчаливая, однажды во время тренировки я распалилась, учитель подошел ко мне и сказал, чтобы я показала ему, что умею: мостик и шпагат. Если бы я не справилась, он бы безжалостно меня выгнал. Я это знала и очень старалась. За шпагат была прощена. Время от времени он перед строем проверял дневники. И с двойками тоже выгонял до лучшей оценки. У нас не было трикотажной формы, только сатиновые шаровары: одна резинка на талии и две охватывали ноги. Так Джеймс Владимирович, если видел некрасиво сидящие шаровары, заставлял владельца опускать штанину до конца, раскручивая резинку, на которую штанина была безжалостно намотана, мелом рисовал на штанине полосу и говорил: «Попроси маму отрезать до сих пор и заново пришить резинку».

Урок физкультуры. На бревне не я. Учитель мой – Джеймс Владимирович.

Про Джеймса Владимировича Ахмеди я узнала много позже. Что он был сыном иранского торговца коврами, возглавлявшего в Москве «Коверкускспор», что работать в школу он пришел в 1948 году и работал до 82 лет, став одним из самых старых учителей физкультуры в мире, воспитав за свою жизнь много знаменитых спортсменов. И моя жизнь, я уверена, сложилась бы иначе, если бы я продолжала учиться у него.

В школе у меня появилась подружка, с которой мы вместе возвращались из школы домой. Нам было по пути: она жила в соседнем с моим двором большом многоэтажном доме. Иногда после школы я ходила к ней в гости. У нее была большая квартира, в одной из комнат за большим письменным столом мы и играли. У нее было много разных настольных игр: большое игровое поле с нарисованными на картоне цветными сюжетными картинками, стартом и финишем. Надо было бросать кубик и ходить своей фишкой по нарисованной дорожке от одной картинке к другой, выполняя разные требования – возвращаться, перепрыгивать вперед или назад. Для меня самым главным был приз в конце игры, если мне посчастливилось дойти до финиша первой – это была карамелька «Театральная».

Для школьного утренника мама умудрилась сшить мне новогодний костюм. Каждому в классе было поручено прочитать со сцены маленький стишок, мне досталось прочитать четверостишие про птичку, и маме пришлось придумать мне птичий костюм. На руки и на ноги мне надели чулки темно-коричневого цвета, крылья, хвост и шапочку-клюв мама как-то соорудила из картона и все обшила цветной марлей, которую ей пришлось красить в желтый и оранжевый цвет. Стоя в этом наряде на сцене, я полностью забыла весь стишок, и за меня его озвучила сама учительница.

В мое время октябрят еще не было, они появились позже и носили значок в виде красной звездочки, а в центре лицо маленького Ленина с кудряшками. Мы же были никто, беспартийные. Главными в классе были санитарки – на рукаве нашивка в виде красного креста, через плечо сумка белого цвета тоже с нашитым красным крестом, а в сумке предметы первой помощи – бинт и йод или зеленка. Какое-то время я тоже была санитаркой, но не помню, что кого-то надо было спасать. Следующей ступенькой были пионеры. Первыми в пионеры принимали детей с хорошими отметками. В нашей школе в первые

пионеры принимали в музее Ленина в самом главном зале. Было очень торжественно. Зал был украшен знаменами, около стены – большая скульптура Ленина и много цветов. Мы все вместе читали текст пионерской присяги, потом нам повязали красные галстуки и под бой барабана мы уже пионерами строем покидали музей. Вторая волна приема в пионеры проходила в школе и не так торжественно. Мой сосед по квартире как раз попал во вторую волну. Каждое утро на кухне мы гладили свои галстуки, каждый своим утюгом, нагретым на газовой плите, и каждый на своем кухонном столе. Мы очень гордились, что мы пионеры.

Мне очень повезло не только со школой, но и с самим местом, где мы жили. Все самое замечательное и интересное в Москве было рядом, буквально в нескольких минутах ходьбы. Вечерами мы гуляли в Александровском саду, могли зайти и на Красную площадь. Сама я добежала до Гоголевского бульвара, вход в Дом Пашкова, где был мой читальный зал, был рядом со школой. Жили мы на задворках знаменитого Пушкинского музея изобразительных искусств и каждый раз, выходя из своего двора, справа я видела угол его большого очень тяжелого серого здания, вдоль него я шла в школу. Я с самого начала знала, что это Музей Пушкина и что мне туда никак нельзя: потому что я еще маленькая. Таких, как я, в музей не пускали. Родители собирались в музей, как в театр, очень торжественно. Мне было так интересно, что же там? И я их расспрашивала. Мама рассказала про высоченную статую Давида при входе, про картины и скульптуры. Пока я решила не расстраиваться и больше об этом музее не думать. Вырасту – все увижу сама.

Большой интерес вызывал у меня соседний с нами большой красивый заросший парк со старинной усадьбой в глубине. От нашего двора его отделял забор из высоких металлических прутьев с пиками на конце. Я мечтала попасть в этот парк и рассмотреть дворец поближе и даже хотела перелезть через забор, но очень реально представляла, как вишу, зацепившись за пику, и зову на помощь. Такого позора мне не хотелось.

Для каких-то технических целей в нашем дворе вырыли глубокую траншею недалеко от моего подъезда. Мальчишки просто сошли с ума: в гряде земли и камней из траншеи было много человеческих костей, и они друг перед другом, хвастаясь смелостью, играли с этими костями. А чтобы было еще веселее, бегали за нами, девочками, и пугали. Убегая от них, я испытывала непередаваемый ужас. Мне казалось, что, если до меня дотронутся, то я сразу умру.

Сейчас я все знаю про то место, где жила тогда. Что это одно из самых старинных мест в Москве, территория Белого города – Чертополье, XVI – XVII века, а мой двор – усадьба Лопухиных, построенная в конце XVII века еще при Петре I. Мой маленький одноэтажный домик – флигель, а дом, где в коммунальных квартирах жили все ребята с нашего двора, протянувшийся вдоль улицы, это главное здание усадьбы, с колоннами, украшенное на фронте гербом графа Протасова, воспитателя императора Александра I.

Недоступный для меня соседний дом с парком – усадьба князя Вяземского, где в конце XVIII века родился поэт Петр Вяземский. Тогда невозможно было представить, в каком красивейшем месте я жила. Сейчас усадьба Лопухиных приобрела свой законный, достойный ее истории вид. Продолжаются реставрационные работы: собираются восстановить каретный двор – продолжение моего родного флигеля.

Вход в мой двор, вдалеке виден мой дом.

То же место после реставрации 1997г.

В главный дом усадьбы я заходила только один раз. Обычно дети в гости домой друг к другу не ходили: все жили, как и мы, по два квадратных метра на человека. Встречались и играли во дворе. А тут наступил мертвый сезон. Закончилась учеба в школе, и многие ребята разъехались на летние каникулы кто куда. Вот я и пошла в этот дом в надежде встретить кого-нибудь из ребят. Длиннющий коридор. Вдоль коридора множество дверей, обитых дерматином или ободранной клеенкой. Я растерялась, не зная куда идти дальше. И вдруг увидела маленького воробышка, который бился между двумя рамами закрытого окна в конце коридора. А перед окном сидела кошка и лапой через открытую форточку пыталась бедного воробышка достать. Я забыла обо всем на свете, ринулась на помощь.

Окно было наглухо забито гвоздями, открыть я его не смогла, как ни старалась. Попыталась поймать птенчика через форточку, но окно оказалось слишком высоким, а моя рука не намного длиннее кошачьей. Вокруг никого нет, и помощи ждать неоткуда. Кошку я отогнала, но она в любой момент могла вернуться. И я побежала на улицу. В нашем дворе, я знала, была столярная мастерская и всегда валялись всякие реечки, палочки, разный деревянный мусор, что могло помочь мне достать воробья. Я бежала во весь дух, думая только о нем, маленьком и беззащитном, и упала. Прямо на скорости проехала по асфальту своими двумя коленками и обоими локтями. Сильно содрала кожу. Обрато к воробью, с деревянной рейкой я уже возвращалась, хромая. Ни кошки, ни воробышка не было. О том страшном, что могло произойти, я старалась не думать.

Здесь я спасала воробья.

Усадьба Лопухиных после реставрации.

Домой я пришла вся в слезах не только от боли, но и от своей беспомощности. Мама сильно расстроилась потому, что вечером мы уезжали на юг в отпуск, смазала мои раны, уложила в кровать и укрыла белой простынею до прихода папы. Пришел папа, увидел раненую дочь под простынею, и его настроение тоже испортилось.

А дня за два до этого случая папа вернулся вечером с работы очень радостный и с гордостью объявил, что ему удалось купить для своей любимой дочки-отличницы все учебники к новому учебному году, и мы теперь можем ни о чем не беспокоясь отправляться отдыхать к морю. Когда он достал учебники из своего портфеля, я увидела знакомые книжки за второй класс, а я-то уже перешла в третий! Больше никогда таких подвигов по своей инициативе папа не совершал. Но ему очень нравилось выполнять мои конкретные просьбы. Я давала ему длиннющий, на нескольких листах список художественной литературы, который нам в школе задавали прочитать за летние каникулы, и он всегда доставал мне все эти книжки или в своей библиотеке на работе, или очень настойчиво искал в разных книжных и букинистических магазинах. Так было всегда из года в год и даже, когда я училась в институте, все книжки для меня были его заботой.

Каждое лето у меня были каникулы по три месяца, а у моих работающих родителей – головная боль, куда меня девать. Они знали, что ребенку нужен режим, правильное питание и свежий воздух. Каждый раз решали проблему по-разному. Выбор был небогатый. Один месяц вместе на море. Часто папе давали путевку в санаторий, а мы с мамой снимали комнату поближе к нему. Один месяц к бабушке в Курск на такой же свежий воздух, как в Москве. А в самый первый, июнь, меня старались отправить в пионерский лагерь. После первого класса я попала в лагерь от папиной работы – Министерства обороны – под названием «Медвежья озера». Уже само название должно было насторожить моих родителей. Июнь месяц, Подмосковье, озера, вернее болота, сыро, холодно и тучи страшных, беспощадных комаров. В моей памяти сохранились хмурые, без солнышка дни и огромное желание как можно скорее вернуться домой. Каждый день я ждала и терпела. В лагере проводились какие-то мероприятия, подъем, зарядка. Я, как во сне, все послушно выполняла, но не испытывала ни малейшего интереса, а просто терпела и ждала, когда наступит конец. И он для меня наступил: за неделю до окончания смены я заболела. Поднялась высокая температура, меня положили в изолятор – маленькую комнату с одной кроватью. Я лежала одна в темноте и ждала маму. Время от времени ко мне заглядывала медсестра. Из Москвы вызвали врача: высокая температура держалась несколько дней и не знали, что со мной делать. Потом приехала мама, и мы шли с ней по солнечному лесу к электричке, по дороге случайно набрали на большую поляну спелой, крупной и очень вкусной земляники. Я первый раз видела, как она растет, и ела ее прямо с куста. Наконец-то я опять была счастлива.

В третий класс я пошла в новую школу номер 703 на 6-ой улице Октябрьского поля. Целый большой район был застроен очень добротными так называемыми Сталинскими кирпичными домами, где нам дали комнату шестнадцати метров в трехкомнатной квартире на самом последнем восьмом этаже. В основном здесь жили военные, и в моем классе учились исключительно дети военных. Мы все были одинаковые, новенькие, пришли в совсем новую только что открывшуюся школу и ни у кого в классе не было старых друзей. Я прямо по дороге в школу в первый же день нашла себе своих подруг – Лиду Белянину, Лену Бужурину и Наташу Шамаеву. Все они жили в соседнем со мной подъезде, но главной для меня была Лена.

Я и мои подружки около школы.

После нашего старого жилья новая комната казалась огромной, да и сам переезд в новый дом с лифтом и квартира со всеми сказочными для нас удобствами казались нереальными. Родители, особенно папа, тоже испытывали чувство неземного счастья, и в день переезда вечером, лежа в кровати в своей собственной комнате, слыша, как наши соседи по квартире со свечкой и сантиметром (в первый вечер почему-то отключили электричество) делят общественные стенки в коридоре, при этом громко спорят, ругаются, очень удивлялся человеческой глупости и жадности. Сам он даже и не подумал участвовать в этом дележе общественной собственности. Он был умиротворен и расслаблен, как самый счастливый человек на свете.

Наша комната была самой маленькой в квартире и находилась первой от входной двери. Напротив, на стене висели огромные квартирные счетчики. Под ними папа и прибил вешалку для пальто. В соседней с нами комнате с балконом поселился такой же, как папа, подполковник Лев Иванович с женой Лидией Павловной и маленьким трехлетним сыном Львом Львовичем. Третью, самую большую комнату, которая выходила на улицу, занимала семья уже немолодого полковника с сыном Мишей, лет на пять меня старше, и женой Зоей Сергеевной. Они только вернулись из Америки, где прожили очень долго.

Главной в квартире сразу стала Лидия Павловна. Она была небольшого роста, с нереально огромными карими глазами, гладко зачесанными блестящими черными волосами, собранными в пучок, и большими цыганскими серьгами – кольцами в ушах. Очень энергичная, шумная, не терпящая возражений. Чтобы сразу пресечь все вопросы о своей очевидной для всех национальности, объявила, что она испанка, что у нее два высших медицинских образования и что она имеет огромные преимущества перед никогда не работавшей Зоей Сергеевной и моей мамой медсестрой. С этой минуты все за глаза стали называть ее Испанкой.

Испанке принадлежали все лучшие места в квартире. На кухне маленький стол – тумбочка Зои Сергеевны стоял прямо под окном, наш стол-буфет напротив окна около мусоропровода, а стол Лидии Павловны с висячей полкой для посуды – около самой большой привилегированной стенки за дверью напротив газовой плиты, что позволило ей в дальнейшем поставить рядом со своим столом еще и холодильник. Наш и Зои Сергеевны холодильники ЗИС были куплены много позже, привезены зимой на санках и стояли в коридоре. Еще у Лидии Павловны была то ли прислуга, то ли очень ей преданная дальняя родственница, старая сухая женщина в пожелтевших старинных рваных кружевах и большой брошью-камеей на шее. Она с утра до вечера сидела на кухне на табурете, как верная хозяйская собачонка, и воспитывала меня рассказами из своей прошлой жизни.

Когда она была, например, маленькая, ей за обедом около тарелки с супом всегда клали шоколадку, поэтому она быстренько все съедала и не капризничала.

И Лидия Павловна, и мама работали в военной поликлинике в нескольких автобусных остановках от нашего дома. Как только Испанка возвращалась с работы и выходила на кухню, Зоя Сергеевна должна была полностью освободить плиту от своих кастрюлек и сковородок и спрятаться в своей комнате. Царственным жестом маме разрешалось поставить на плиту одну кастрюлю. «Вы целый день сидите дома, а мы работаем. Выбирайте другое время» – командным голосом распоряжалась Испанка. Бедная Зоя Сергеевна никогда не перечила и не повышала голоса. Она каждый раз заматывала голову полотенцем – ее мучили мигрени – и спасалась бегством. Она много читала. Так я ее и запомнила с полотенцем на голове и с книжкой в руках. В их комнате стоял большой безразмерный книжный шкаф, куда ставились новые тома книг. Их приносил почтальон прямо в квартиру, в красивых переплетах, каждый том в картонной коробке так, что был виден корешок, и я могла прочесть имена авторов: Эмиль Золя, Бальзак. Еще в комнате везде стояли фигурки лошадей самых разных размеров, фарфоровых, деревянных, бронзовых. Она их собирала всю жизнь и привезла даже из Америки. Зоя Сергеевна была очень доброй, рассказывала мне, что маленькая она никогда не ходила спокойно, как все люди, а всегда шла вприпрыжку, такая она была в детстве веселая и беззаботная. Когда мама неожиданно со своим больным желудком попадала в больницу, а папу тоже срочно посылали в командировку и никакая бабушка не могла к нам приехать, я оставалась совсем одна, Зоя Сергеевна заплетала мне по утрам косички, кормила кашей и отправляла в школу.

В такие дни я была полностью самостоятельной, предоставлена сама себе. Обедать я ходила в столовую в нашем же доме. Надо было подойти к кассе, получить чек, а потом уже с чеком на раздачу. Каждый день еда у меня была только одна, без вариантов – четыре порции лимонного мусса. Его мне выдавали в четырехугольных салатниках, на вид он был не очень аппетитный: манная каша горькой, серовато-желтоватого цвета с запахом лимона. Но я его обожала. Когда я сама себе была хозяйка, ни о каких борщах и котлетах не могло быть и речи. Конкурентом выступали только жареные пирожки с повидлом. В периоды моей беспризорной жизни ко мне присоединялась Тамара Стрембицкая, девочка из моего класса. В отличие от меня она была беспризорной всегда. Жила она на втором этаже в моем подъезде с мамой и папой. Папа преподавал в военной академии, а мама все время, не вставая, лежала в постели – она перенесла Ленинградскую блокаду и медленно умирала. Тамара внешне напоминала мне кошку, которая играет с бумажкой на ниточке, особенно, если смотреть на нее со спины: голова немного приплюснута, посередине – пробор делит волосы на две толстые косы, и торчащие маленькие ушки. Она была очень серьезной, замкнутой, ни с кем не дружила. Мы с ней много болтались на улице, домой ни мне, ни ей идти не хотелось. С уроками у меня начались проблемы. Однажды я застала ее в школьной раздевалке за некрасивым занятием: она лазила по карманам детских пальто и вытаскивала мелочь. Для нее это было развлечением и только.

По возвращении из больницы мама вместе со мной зашла в мою столовую спросить, как я справляюсь со свалившейся на меня взрослой жизнью. Меня и в кассе, и на раздаче с радостью узнали и рассказали о моей неземной любви к муссу.

Сейчас в помещении этой скромной столовой расположился шикарный ресторан, вывеска переливается разноцветными огнями, меню при входе перечисляет самые изысканные заморские блюда и напитки и, конечно, моему лимонному муссу там места нет.

Несбыточной мечтой моего папы было научиться играть на пианино для того, чтобы когда-нибудь исполнить «Неаполитанскую песню» Чайковского, которую он студентом играл на трубе. Наша новая комната в шестнадцать метров уже позволяла приблизить ее осуществление, и родители решили купить пианино. Таких больших денег не было. Но к счастью в это время к нам в гости приехала бабушка Таня с деньгами, которые она

скопил себе на новое пальто. Как раз этой суммы и не хватало на пианино. И вот родители поехали в салон музыкальных инструментов на окраине Москвы в районе Сокольники. Пианино там в это время не было, огромный ангар магазина был совсем пустой, их привозили в определенные, заранее известные дни и моментально разбирали. Мама отпросилась на работе и очень рано на первом поезде метро в день привоза, тщательно спрятав деньги в труднодоступное для воров место, поехала покупать пианино. Была первой в очереди. Кругом бегали продавцы в халатах и стояли разные инструменты. Мама выбрала «Лиру» красного дерева. По цвету оно очень подходило под нашу ободранную мебель, когда-то тоже благородного красного дерева. Но оказалось, что оно стоит дороже черного, и у мамы не хватает денег заплатить за доставку. Продавец успокоил маму, что она сможет сегодня же вечером расплатиться с грузчиками на месте, когда пианино привезут, а сейчас только внесет деньги за пианино и может спокойно ехать домой и ждать. Пианино закрыли на ключик и вручили его маме. Вечером папа вернулся домой в полной уверенности, что пианино его уже ждет. Когда он узнал, что у мамы есть только маленький ключик и никаких чеков, ничего нет, папа очень обрадовался, он смеялся от души над тем, как умело маму обманули. Рано утром мама не пошла на работу, а поехала в Сокольники. Опять увидела бегущих продавцов в синих халатах, для нее все они были на одно лицо. Того, кто дал ей ключик, она не запомнила. Так и стояла в растерянности, не зная, что делать. Ее продавец узнал ее сам, и сам подошел к ней. Сказал, что вчера пианино не успели привезти – много рейсов, а сегодня машину уже отправили. Мама бегом домой. Внизу около подъезда сидели злые уставшие грузчики: тащили пианино на восьмой этаж, дома была одна бабушка, без денег. Мама рассчиталась с ними и бегом на работу. Ну, а вечером устроили настоящий праздник. Меня научили играть «Собачий вальс». На следующий день папа купил Самоучитель игры на фортепьяно и «Детский альбом» Чайковского со своей любимой «Неаполитанской песней». Загрустила только наша старая верная мебель. На фоне блестящего полосатого новенького пианино она выглядела еще старше.

Квартира была тихой. После раздела общей площади и стен в коридоре причин для громких споров не возникало. Только по мелочам. Так немолодой сосед-полковник, видимо, верный своей американской привычке, когда он жил в отдельной квартире, очень любил читать в туалете, забывая о времени и нервных соседях. Приходилось обращаться за помощью или в квартиру напротив, или к Зое Сергеевне, которая научилась возвращать мужа на землю с помощью рыболовной удочки, которая удачно пролезала в щель между полом и дверью туалета. Лидия Павловна, например, заботясь о здоровье своего маленького Льва, купала его в нашей общей ванне в розовом растворе марганцовки. Папа возвращая ванне утраченный белый цвет, говорил, что Испанка желает перекрасить своего Льва в Тигра. Маленькому Львенку, Льву Львовичу, было всего года четыре, но его родители были уверены, что выращивают гения. Лев Иванович был намного старше своей жены, яркой очень уверенной в себе Испанки. Сам он был худенький, бледненький, незаметный, быстренько на цыпочках пробежал по коридору в свою комнату, на ходу тихо здоровался, никого не замечая. Я не запомнила его в военной форме: он и военный китель в моем представлении были несовместимы. Но иногда я видела другого Льва Ивановича, решительного и собранного, в такие минуты по пути в свою комнату, очень четко выговаривая слова, он тихо пел себе под нос «Вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут. В бой роковой мы вступили с врагами, нас еще судьбы безвестные ждут!..». Я понимала, что эти вихри и силы есть мы, его соседи. У Льва Ивановича было хобби: он писал акварели, оформлял их в рамки под стекло и развешивал в комнате по стенам. Писал только природу и только летом, поэтому стены украшали сверкающие стеклом зеленые пятна. Когда Испанка решала, что таких пятен для ее 16-метровой комнаты слишком много, она устраивала грандиозный семейный скандал, который сотрясал всю нашу квартиру, забиралась на табурет и с криком срывала со стен мужнины произведения искусства. Весь пол покрывали осколки битого стекла, Лев Иванович тихим

шепотом уговаривал жену остановиться, пощадить хоть что-нибудь, но Испанка шла до конца, до полного очищения, и процесс творчества Льва Ивановича начинался снова с чистого листа. Естественно, что последствия погрома убирал тоже он. И весь этот процесс с регулярной периодичностью повторялся.

Однажды он пригласил меня в свою комнату, чтобы задать мне несколько вопросов и лишний раз убедиться на фоне моих глупых ответов в гениальности своего Льва. Комната напоминала музей Пушкина в миниатюре. На журнальном столике стояла большая бронзовая фигура Георгия на коне, разящего змея. Ее можно было рассматривать часами, такая она была сложная, со множеством мелких деталей. Помню только один из вопросов, который он мне задал: почему, если земля шар, вода из рек и морей не выливается. Я все правильно ответила, чем привела его в некоторое замешательство.

Подрастая, маленький Львенок начал нарушать четкий порядок, установленный его папой. Первый раз на кухне в отсутствии наблюдающих за ним взрослых он поджег пинг-понговые шарики. Включить газ у него сил не хватило, он воспользовался спичками. Было много шума и дыма. Выпуская его одного на улицу, папа Лев вывешивал на балконе (единственный балкон в квартире был в их комнате) флаг. Сын должен был вернуться домой, когда флаг был убран. Однажды несколько мальчиков-дошколят позвонили в квартиру и стали наперебой жаловаться Льву Ивановичу на его сына. В ответ большой Лев с большим достоинством ответил им, чтобы они не смели вмешиваться в воспитание его ребенка. Через много лет мама встретила в поликлинике старенького Льва Ивановича, они очень обрадовались друг другу, и мама узнала, что вырастить из Львенка академика не получилось, а стал он рабочим, не получив даже высшего образования.

Про музыкальную школу

Пианино купили не только мы. У моих подружек тоже появилось пианино. Мечта научить своих дочек играть на фортепьяно жила во всех офицерских семьях после жутких лет войны, голода, разрухи, мытарств по съемным неустроенным квартирам. Пианино в комнате – это счастливая, устроенная жизнь, вера и надежда на лучшее будущее своих детей. А вдруг у дочки проявится талант и она станет музыкантом или, на крайний случай, преподавателем музыки?

Это случилось летом после окончания третьего класса. Мне пригласили учительницу, чтобы она за четыре занятия подготовила меня для поступления в музыкальную школу.

И школа такая тоже нашлась не очень далеко, чтобы я сама смогла туда добираться: или несколько остановок на автобусе по дороге в объезд, или прямо через Таракановку. Таракановкой называли неприглядное, пользующееся дурной славой место, где проходила железная дорога с очень редкими товарными составами, рядом строительная воинская часть и высоченная железнодорожная насыпь, на которую вскарабкаться и спуститься с нее, было непросто. Зимой мальчишки там делали ледяную горку и катались на картонках. Через Таракановку добираться до школы было быстрее, но мои родители, в отличие от меня, предпочитали автобус.

Школа была очень престижной, поступить туда было непросто – был большой конкурс. Это была Детская музыкальная школа № 2 имени И.О. Дунаевского. И меня повели на экзамен. Тогда я почему-то еще не научилась бояться и легко на все ответила. Надо было повторить голосом ноты, ответить, сколько нот в аккордах и простучать ладошками ритм. Сложность была в том, что все дети были дошколятами, шли класс в класс в обеих школах, а я перешла в четвертый и была очень рослой, затеряться среди малышей было невозможно. Поэтому сначала маме предложили взять меня в класс скрипки. Однажды мне уже предлагали научить играть на скрипке. Это было летом, я только закончила первый класс в школе 57 на улице Маркса–Энгельса и играла с подружками во дворе. Неожиданно ко мне подошел взрослый мужчина в белой рубашке и сказал, что хочет поговорить со мной. Я растерялась, стояла и молчала. Никогда раньше взрослые со мной

так не разговаривали. Взрослый незнакомый дядя сказал, что он папа мальчика из моего класса и что он просит меня, чтобы я стала дружить с его сыном. А за это он будет учить меня играть на скрипке. Я убежала. Так неудачно закончилась первая попытка подружиться со скрипкой. Вторая оказалась не более успешной, чем первая: одна учительница по классу фортепьяно все-таки взяла меня к себе.

Звали ее Полякова Светлана Ефимовна. И я сразу поверила ей и полюбила. Она была молоденькой, только закончила консерваторию. Мне она казалась очень красивой. Высокая, стройная, с густыми черными до плеч волосами. Очень красиво одевалась. Со мной она занималась много. Урок мы начинали с зарядки. Она учила меня держать спину и расслаблять руку и плечо. По воскресеньям папа возил меня на Маяковскую в Зал Чайковского на концерты по абонементу, часто после концерта я ходила к учительнице домой. Жила она в небольшом старом доме за залом Чайковского в коммуналке, как и все мы тогда. С мамой они занимали две маленькие смежные комнаты. Когда я первый раз вошла, то увидела, что вся эта старинная тяжелая мебель, картины и фотографии на стенах, черное пианино с бронзовыми подсвечниками, когда-то жили в большом роскошном светлом доме, а теперь вынуждены ютиться здесь, прижавшись друг к другу, и что это для них не столь важно. Они живы, все вместе и у своей хозяйки.

На пианино стояла большая фотография Ван Клиберна в рамочке, победителя конкурса Чайковского из Америки. Все были влюблены в него и, наверное, моя учительница тоже. Это было в марте 1958 году, мне 10 лет.

Из первого класса я сразу перешла в третий. Мне все нравилось. Не нравилось только сдавать экзамены по фортепьяно и играть на концертах. Появился страх. Он выражался в мокрых ладонях и ледяных негнущихся пальцах. Текст я тоже могла забыть. До экзамена Светлана Ефимовна приглашала на наш урок учителей, чтобы они меня послушали заранее и потом прощали мое волнение. Все это она делала как-то между прочим, легко, так, что я ни о чем не догадывалась.

По сольфеджио меня хвалили. Писать диктанты (это когда учительница играет мелодию, и ее надо записать нотами) я любила. Сказывалась тренировка. Такое занятие было моим любимым развлечением, особенно летом у бабушки. Я напевала мелодию и записывала.

В музыкальную школу три раза в неделю ходила я одна. Всем моим подружкам из класса пригласили учителей на дом, и они с гордостью показывали мне, что играют все намного сложнее того, что играла я. Последовательность музыкальных пьес была у всех домашних похожа: Танец маленьких лебедей, Полонез Огинского, Турецкий марш, К Элизе, ну, и Лунная соната. Все эти мелодии на слуху и очень выигрышны, когда исполняются гостям.

Но я все слышала, слышала всю примитивность, топорность исполнения. Сразу виден почерк ученицы музыкальной школы и домашней. У нее все буквы корявые, текст ползет, рваный, нет законченной мысли и слушать скучно. Все, что играли мы, доводилось до совершенства, оттачивались все мелочи, и вещь исполнялась на одном дыхании. Мне кажется, что даже настоящий взрослый музыкант не смог бы исполнить эти детские пьески лучше, чем ученица нашей музыкальной школы.

На концертах большим преимуществом пользовались девочки маленького роста. Зрители умилялись, глядя на выпорхнувшую девчужку, да еще с огромным белым капроновым бантом на голове, а лучше еще с двумя такими же бантами по бокам в косичках. Их долго усаживали к роялю, подкладывая под них на стул специальную деревянную толстую доску, чтобы они могли дотянуться до клавиш. Болтающиеся в воздухе ножки, не достающие до педалей, усиливали хорошее впечатление. Меня не могли спасти даже громадные банты – я была длинной и оттого еще более неуверенной. Когда я говорила, что я высокая, папа всегда поправлял меня: «Не высокая, а длинная». Я потом поняла, почему. Его младший брат Федя был под два метра ростом, что, наверное, папу раздражало и беспокоило, поэтому для сравнения роста он привык пользоваться

упрощенным словом «длинный». Высокий предполагает наличие и других уважаемых качеств человека, не только его рост.

Правда, однажды большие белые банты помогли мне сбросить пару лет моего возраста. Папе на работе дали пропуск на трибуну на Красной площади во время парада. По этому пропуску он мог провести ребенка. По дороге к Кремлю все улицы были перекрыты, стояли цепочки военных и милиции, на каждом шагу проверяли папины документы и, как мне казалось, подозрительно меня осматривали. Спасли меня мамины дурацкие бантики.

В сентябре часто родители уезжали в отпуск в санаторий. Болезни у родителей были разные – у папы коленки, у мамы желудок, поэтому путевки им давали в санатории с разным профилем. Папе в Пятигорск с целебными грязями, а маме в Ессентуки с лечебной водой. Еще повезло, что расстояние между ними было не очень большим, и папа каждый день мог на пригородном поезде, забыв о своих больных коленках, приезжать к маме, чем полностью разрушал и мамину размеренную, подчиненную санаторным правилам жизнь.

В это время ко мне приезжала бабушка Таня. Нам было хорошо вместе. Правда, без родителей скучновато. И мой день рождения в этот 1957 год мы не собирались отмечать. После школы я, как всегда тихонько, делала уроки, а бабушка отдыхала. Мои подружки и Василий с ними пришли совершенно неожиданно, притащили всяких подарков, карандаши, шарики, и я сразу вспомнила и поверила, что у меня сегодня праздник.

А 4 октября 1957 года мы и весь мир узнали, что наш первый советский искусственный спутник запущен и летает вокруг земли. И что можно его не только услышать: чудесное бип, бип..., но и увидеть. И мы с бабушкой загорелись идеей увидеть его летящим в небе. Бабушка была верующей, постоянно ходила в храм, отстаивала церковную службу от начала до конца. Новые купленные ей в подарок мамой туфли она так оценивала: «Час стою – ничего, два – ничего, три – тоже не чувствую, значит, туфли удобные». А тут такое событие. По телевизору говорили, во сколько спутник будет пролетать над Москвой. Часов наручных ни у меня, ни у бабушки не было, а был большой черный будильник. Его-то мы и взяли, оделись потеплее и пошли. Выбрали высокий пригорок недалеко от дома и стали ждать. Небо было темное, чистое, миллионы звезд разного размера, и большие, и маленькие, и вдруг мы увидели или нам так показалось, как одна совсем маленькая звездочка не стоит на месте, а двигается. Мы были уверены, что это наш маленький спутник и счастливые вернулись домой. Позже я узнала, что без специальных средств увидеть его было невозможно, может только ступень ракеты, которая вывела его на орбиту. Но это и не важно. Главное, что мы верили, что это был он.

Мой выход в свет – выступление на концертах в школе, воскресные походы в Зал Чайковского и консерваторию слушать симфоническую музыку – вынудили маму задуматься о моей одежде. Раньше все было просто: везде неизменная школьная форма, как у папы военная, – коричневое платье с белым воротничком, черный фартук на каждый день и белый по праздникам. На лето для летних каникул мне бабушка шила легкие платья. В ход шли мамины старые. Когда я летом ездила в пионерский лагерь, мне клали в чемодан два-три летних платья и одно шерстяное, тоже перешитое из маминого, темно-синее с пришитым желтым воротником из ситца, в тот момент почему-то белого материала под рукой не оказалось. Вечером, когда становилось прохладно, я бежала в палату и меняла летнее на шерстяное. Кофточки, чтобы не переодеваться, у меня не было. Мама вязать не умела, а купить шерстяную кофточку было просто невозможно. Я до определенного возраста по поводу своей одежды не задумывалась. Где-то в классе пятом в метро я вдруг обнаружила, что пальто у меня странное: новым оно было ярко-розовое, и его сразу новым укоротили, два раза подвернув подол. Покупали всегда на вырост, чтобы хватило на подольше. Потом по мере того, как я вырастала, его удлиняли. А ткань по мере носки выгорала, становясь все светлее и светлее. И все годы жизни пальто были видны на подоле – по низу шли полосы разного оттенка розового, от бледного до яркого.

Для пополнения моего гардероба родители повели меня в Детский мир, купили мне две плиссированные юбки, серую и черную, очень длинные, как всегда на вырост. Потом мама простегала эти мелкие складочки, начиная от пояса юбки до моей талии, и вставила резинку. По мере моего роста резинку переставляли повыше, чтобы удлинить юбку.

В четвертом классе нам с Леной Бужуриной, как отличницам, торжественно вручили билеты на елку в Кремль. Событие для всех совершенно невероятное. На Красной площади я была не раз, но чтобы попасть на территорию Кремля – об это даже мечтать было нельзя. Дети с билетами проходили через Боровицкие ворота, которые охраняли военные. Дворца съездов, где сейчас проходят елки, тогда еще не было. Наша елка стояла в Георгиевском зале Кремля, куда мы попадали через Грановитую палату. Детей было много. Я себя чувствовала очень неуютно и неуверенно. Какого-то представления и сцены, где бы что-нибудь происходило сказочное, волшебное тогда не было. Я понимала, что мне очень повезло, что я вижу все это, но радости и счастья не испытывала. Стояли маленькие металлические не очень скользкие горки, как стоят сейчас на детских площадках во всех московских дворах. Пару раз я с трудом съехала с такой горки, и все. Главное воспоминание об этом событии – голубой жестяной сундучок с Кремлем на крышке и зверюшками по бокам, старый, в царапинах. И не удивительно – столько лет прошло.

Зато я очень хорошо помню ежегодные елки в Центральном доме Советской Армии. Надо было обязательно переобуваться или проходить в зал, где в самом центре стояла главная елка, без обуви в носках – везде пол был покрыт коврами и дорожками. Стульев не было. Дети усаживались вокруг елки на пол, прямо на ковер, и начиналось представление. Артисты двигались вокруг елки, рядом с нами, сидящими на полу детьми, вовлекая нас к участию в сказке. Мы кричали, хлопали в ладоши, отгадывали загадки, очень бурно реагировали на происходящее прямо рядом с нами. В общем, было очень весело, я не чувствовала себя одинокой и никому здесь не нужной. Потом мы пели и водили хоровод вокруг елки, а в конце, конечно, подарки с конфетами и мандаринами. Какой-то очень теплый, домашний праздник был в этом ЦДСА.

До пятого класса нас всему учила одна учительница Ольга Дмитриевна. С одной учительницей учиться было очень просто: она прекрасно знала нас всех и даже наших родителей, а мы привыкли к ней. Почти все учителя в нашей школе были женами военных, они совсем недавно переехали в Москву из далеких гарнизонов, где томились со своим высшим педагогическим образованием в ожидании получить возможность хоть кого-то учить. Все мамы моих подружек нигде не работали, не успев и не имея возможности учиться: до начала войны они были недостаточно взрослыми, а сразу после войны вышли замуж. Всех этих женщин объединяли кухни в коммуналках, огромный многоквартирный дом, общий двор с песочницей для малышек, скамейками и веревками для просушки белья, дети, которые ходили в одну школу, часто в один и тот же класс, и мужья, которые работали в одном министерстве. Это была одна большая семья. И секретов даже при большом желании что-то утаить в этой семье не было.

В квартире, где жила моя подружка Лена, тоже было три комнаты и три семьи. Квартира была точно такая же, как наша, только находилась в соседнем с нашим подъезде, и в каждой семье было по двое детей. У Лены была старшая сестра Татьяна. Она была взрослой, училась на геолога, ходила в походы с огромным, больше нее рюкзаком и редко была дома. Ленин папа, инвалид войны, без ноги, был действующим офицером, ходил по двору, чуть прихрамывая, без палочки, а дома снимал свой протез и передвигался с костылем. Во всех наших квартирах устраивались посемейные дежурства по уборке общественных помещений – ванны, туалета, кухни и коридора. Пол во всей квартире, ползая на одной коленке, во время их дежурства мыл Ленин папа. Мама Лены была очень полной, у нее было большое сердце. Вся квартира возмущалась, а дальше и весь дом. Семья есть семья.

Вторую комнату занимали тоже немолодые муж с женой с двумя детьми. Младшая была маленькой, а старшая, красавица, черноглазая и черноволосая, уже училась в инсти-

туте. За ней ухаживал молодой человек, который провожал ее домой. И вот очередной семейный скандал – все знают и обсуждают, и осуждают, иногда сочувствуют, но равнодушных точно нет. Нам по десять лет, но мы тоже участвуем во всех событиях, обсуждаем, имеем свое мнение. Черноволосая девушка-красавица побрила свои ноги папиной безопасной бритвой. Какой ужас!

Третья семья в Лениной квартире – семья моего будущего мужа Васи. Мы все – Лена, я и Вася, – учились в одном классе. Младшая сестра Васи Люба – моя будущая золовка. Я часто приходила к своей подруге и была со всеми знакома и со своей будущей свекровью тоже. Родители Васи были родом из одного украинского села под Черкассами, и его мама, настоящая сельская украинка, отличалась от своих очень интеллигентных соседок – коренных москвичек. Главным ее преимуществом была кухня – украинский наваристый борщ, крупные сочные котлеты. Соседки не дотягивали – и котлетки мелкие, и запах от жиденького супчика не тот. В вопросах же гигиены москвички одерживали верх: «Одной и той же тряпкой дочке нос вытрет и со стола уберет». Мужчины, военные, в этих кухонных соревнованиях не участвовали, но размер украинских котлет отмечали, о чем часто с гордостью вспоминала моя свекровь.

Все мы жили как-то очень одинаково: одевались одинаково – зимой и женщины и штатские мужчины в тяжелых драповых пальто на вате с каракулевым воротником, дети обязательно в валенках с калошами, еда тоже не отличалась разнообразием, ни у кого не было ни автомобилей, ни загородных дач с участками. И все жены военных мечтали иметь шубу. Тогда шубу можно было купить свободно, как и икру и любые деликатесы. Были бы деньги. Это уже позже за шубой надо было долго стоять в очереди. Очередь была не «живая», а в списках. В определенный день все желающие купить шубу из списка должны были лично приехать к магазину и назваться во время переключки. Тех, кто не отозвался, безжалостно из списка вычеркивали. Когда твоя очередь приближалась к началу списка, надо было дежурить около магазина всю ночь и стоять перед входом в момент открытия магазина «живой» плотной очередью, чтобы не пропустить покупателей не из списка. Перед законом все были равны и побеждал сильнейший. Добиваясь справедливости, не останавливались ни перед чем. Трудно себе представить, какой неограниченной властью обладали продавцы всех таких дефицитных товаров.

Первой шубу купила Ленина мама. Шуба была не самая дорогая. Беличья. Серенькая, с рыжими вкраплениями. Шубу примеряли, трогали во всех дружественных квартирах, и в нашей комнате тоже. Обсуждали все преимущества – легкая по весу, не дорогая, и недостатки – не ноская, края быстро обтрепятся. Но не будешь же шубу носить каждый день, и в хвост и в гриву? Шуба – это парадная одежда, только по праздникам. Так и решили. Ленина мама была счастлива.

Лидия Павловна, Испанка, наша соседка по коммуналке, женщина в цыганских серьгах и с испанской кровью, жила не так, как все. Шуба у нее была из обезьяны, помещалась в свертке размером с обувную коробку. Небрежным жестом она однажды набросила ее мне на плечи. Никакого веса я даже не почувствовала – пушинка. мех был чудесный, мягкий и длинноворсный. Наверное, первой в нашем доме она начала учиться водить машину, новенькую голубую «Волгу». Молодой полковник с цветами, который звонил к нам в квартиру, перепутав количество звонков для Лидии Павловны, по ее словам, был личным инструктором по вождению. Полный холодильник недоступных для нас продуктов, домработница, весь день сидящая на табурете в нашей общей кухне, готовая в любой момент выполнить любое поручение своей обожаемой хозяйки, умопомрачительные наряды, вдруг появляющиеся и так же быстро исчезающие – все это делало Испанку особенной. И все вокруг нее было особенным, не доступным всем остальным простым смертным.

Мне на Новый год она подарила носки, сказочные носки, никем нигде никогда невиданные, носки из эластички. Первые эластичные носки были толстыми, и после нескольких стирок приобретали розоватый оттенок, но они в отличие от хлопчатобумажных ловко

обтягивали ногу, не образуя складочек. В этот же новый год она попросила маму разрешить мне пойти с ней на Новогоднюю елку в ЦДСА. К елке пропускали только детей, и я должна была сопровождать и присматривать за ее драгоценным пятилетним Львом Львовичем. Мне было наказано не отпускать его от себя ни на шаг и все время держать за руку. Мальчик он был подвижный, очень изобретательный на всякие неожиданные шалости, и я с ним намучилась. В награду Лидия Павловна взяла меня с собой после Елки в гости к своим знакомым.

Знакомые Испанки жили в Центре недалеко от ЦДСА и занимали большую отдельную квартиру. Гостей было много, и все они хорошо знали друг друга и были добрыми друзьями или даже родственниками, так они радовались встрече. Испанку было не узнать, такой в нашей коммуналке я никогда ее не видела, она была сама собой, как будто чудом очутилась в своей родной стране Испании. Меня сразу отправили в комнату, где играли дети. Большая комната. На полу ковер. И море самых разных игрушек. Такое количество игрушек я видела только в Детском мире. Дети были разного возраста, все были чем-то заняты. Это была одна большая дружная семья. Меня, новенькую, приняли очень дружелюбно, взяли в группу старших, детей моего возраста. Они играли в картишки, в подкидного дурака. Это была любимая игра моих бабушек – и Наташи, и Тани. И я в этой игре, благодаря их тренировкам, была асом. Сначала я очень стеснялась этих детей из другого незнакомого мне мира, потом освоилась и даже почувствовала их уважение за свое картежное мастерство.

Мне было десять лет, когда я перешла в пятый класс. До четверного класса у нас была одна учительница. Она для нас была всем – и учительницей, и мамой, и бабушкой. Она и учила, и защищала, и помогала, она даже могла прийти домой, чтобы посмотреть, где мы спим или делаем уроки. А с пятого класса на каждый урок приходил новый учитель, который учил нас только своему предмету, его больше ничего не интересовало, как мы, какие мы. Правда, для каждого класса назначался классный руководитель, который вел еще и какой-нибудь один из главных предметов – математику, физику, русский язык, в крайнем случае – историю. Но все это было не то. Просто мы стали считаться достаточно взрослыми, чтобы получить для себя больше свободы и самостоятельности. Как себя помню, с пеленок мне мама твердила, что, если не будешь учиться, не получишь высшее образование, будешь всю жизнь работать дворником. И я ей верила. Сама она очень переживала, что не смогла стать врачом – война помешала. Все знали, что без математики и русского в институт не поступить. Это были главные предметы. Их запускать было нельзя, иначе мети улицу. На самом последнем месте для нас по приоритетам, даже после физкультуры и домоведения, где мы учились готовить и шить, был иностранный язык. Это вообще был странный предмет. Зачем он нужен, я не понимала. В моем представлении – это в десять-то лет, когда другие дети, родители которых знали, какое это богатство, уже владели не одним иностранным языком, – существовал алфавит с нерусскими буквами, и все русские слова записывались не русскими буквами, а этими другими. Вот и все. Конечно, я слышала в наших фильмах про войну отрывистые лающие приказы фашистов на немецком: руки в верх, быстрее-быстрее. Но эти слова так прочно вошли в нашу жизнь, что я их воспринимала как русские. Вот если бы я училась где-нибудь в центре Москвы, поближе к Министерству иностранных дел, может быть я отнеслась бы к этому предмету иначе. Но в нашей школе никто учить иностранный не желал. Как сейчас говорят, ни у кого из нас не было никакой мотивации. Да к тому же нашему классу достался не английский язык, а немецкий. А преподавателем был немолодой невысокий мужчина с тихим голосом. Может быть он просто привык к ужасному к нему отношению и уже даже не сопротивлялся и своего голоса никогда не повышал. Во время его урока все ходили по классу, громко разговаривали, что ни в коем случае не позволяли делать на уроках других учителей. Я проучилась в пятом классе с немецким языком только одну четверть до ноябрьских каникул. И к моему удивлению до сих пор помню артикли и немецкие слова –

школа, ученик, ученица. Конечно, это заслуга не того учителя, а моего того возраста – всего десять лет.

Последний день осенних каникул, 10 ноября. Мы с подружками ловим заключительные мгновения самого замечательного времени в жизни – все можно: утром вставать, когда хочешь, весь день делать, что хочешь, гулять, сколько хочешь, читать, смотреть телевизор, ходить в кино, а главное – можно с чистой совестью забыть о школе, когда к тому же в твоём дневнике одни пятерки. Впереди столько радостных событий – Новый год, праздничные Елки, подарки.

В больнице

А вот и нет. Ничего этого у меня не будет. Всего одно мгновение отделяет меня от этой обычной, простой, а оттого счастливой жизни, хотя я этого еще совсем не понимаю и не ценю, от совсем другой. Уже в темноте мы с девочками играем в догонялки. Салка – та, которая ловит. Дотронется до тебя хотя бы пальчиком, значит – осалит. И теперь ты становишься салкой. Домик, где можно было спрятаться от салки и сколько хочешь безнаказанно дразнить ее – это детская песочница: сколоченный из досок короб с невысокими бортиками, по бокам скамейки, где малыши могли сидеть и строить с помощью разноцветных пластмассовых формочек куличи. В этот спасительный домик, убегая от салки, я и прыгнула, зацепившись каблучком ботинка об одну скамеечку и ударившись виском о край противоположной. Это мгновение и стало концом моей привычной налаженной жизни, но я еще об этом не знала.

Пришла домой в слезах. Утром следующего дня, когда дети пошли в школу, меня мама повела в поликлинику. Почему-то поставили диагноз сотрясение мозга, прописали постельный режим, да еще назначили жутко болезненные уколы магнезии для понижения внутричерепного давления. Кроме уколов, все остальное поначалу мне очень нравилось. Главное – неожиданное продолжение каникул: не надо ходить ни в одну, ни в другую – музыкальную школу, делать уроки и разучивать новые пьесы. Правда, гулять нельзя. Но это же ведь не надолго. Через недельки две опять все, как раньше. Даже отстать по учебе не успею: в начале четверти обычно повторяют уже пройденное, потихоньку вкатываясь в новую школьную программу. К тому же две мои подружки – Лена Бужурина и Наташа Шамаева тоже сидели дома, у них дела посерьезнее, обе заболели желтухой.

Моя мама очень за меня переживала. Она была настоящей медицинской сестрой, свято верила в медицину, врачей, их диагнозы, лекарства, выполняла все назначения. К моей царاپине на левом виске она отнеслась тоже очень серьезно. К тому же она и наша соседка Лидия Павловна работали в той же военной поликлинике, где, как дочь военного, лечили и меня. Но надо же было такому случиться, что примерно в это время мама захотела работать в здравпункте соседнего Курчатовского института и подала главврачу поликлиники заявление об увольнении. Главврач не хотел маму отпускать, тянул время, уговаривал. В конце концов, мама ушла, со скандалом. На этом фоне она все время подозревала, что их недружеские отношения с главврачом отражаются на моем лечении. К разбитой голове добавилисьстораживающий анализ крови и выявленный знакомым ревматологом систолический шум сердца. Ею же был поставлен ужасающий диагноз – большой сформированный митральный порок сердца. А с учетом анализа крови ревмокардит, активная фаза. Строгий постельный режим. Вставать вообще нельзя, даже в туалет. Мама всем этим диагнозам верила, обвиняла главврача, что он не пускает вовремя ко мне врачей, написала жалобу, и к нам в комнату пришла комиссия – несколько человек, мужчины в военной форме, женщины, все в белых халатах. Меня щупали, слушали, даже поставили на наш круглый обеденный стол, смотрели ноги, нет ли отеков. Признали ли они меня больной или здоровой – не знаю. Но очень подозреваю, что для доказательства своей правоты и оправдания всех активных действий, маме в этот момент предпочтительнее было подтверждение ее уверенности в том, что ее дочь больна.

А я себя больной ни капельки не чувствовала. Но верила маме, взрослым, что так надо, что надо лежать, что у меня больное сердце, что двигаться мне опасно. К тому же каждый день мама делала мне укол главного антибиотика, который спас ни одну жизнь во время войны, пенициллина, и который сейчас как будто спасал меня. Она верила и готова была на все. Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, как же мне удалось выжить от такого активного лечения? И опять мой покорный характер, мне даже не приходила мысль встать, побегать по комнате, попрыгать, когда меня никто не видит. Я послушно лежала и целыми днями читала.

В это время меня преследовало ощущение нереальности происходящего. Мне казалось, что все это не со мной, а я существую где-то в стороне и просто наблюдаю. Я совершенно здорова и просто жду, когда все закончится, все успокоится, тогда я опять займу свое привычное место и буду жить, как раньше. Я уже думала о школе, уроках, пыталась сама заниматься, каникулы мне надоели. Несколько раз ко мне заходила бабушка Лены, учительница математики еще с дореволюционных времен. Она приезжала с другого конца города помочь с учебой своей внучке больной желтухой. Все это поддерживало во мне надежду, что в школу я вернусь, и я начала бороться. Мысль, что я могу остаться на второй год, меня пугала.

Наша соседка, у которой было пол-Москвы знакомых, посоветовала маме отвезти меня на консультацию к самому академику Сперанскому, очень известному детскому педиатру. Этот визит внес разнообразие в мою совершенно неинтересную жизнь в кровати. Родители на работу не пошли, закутали меня, посадили в такси и повезли прямо на квартиру академика. Слева от входной двери висела большая красивая медная табличка с фамилией. Академик мне очень понравился, немолодой, добрый, с тихим голосом. Кабинет его тоже был точно такой, как я читала в книжках – черный кожаный диван, кресла, много книг.

В комнате стояла торжественная тишина. Родители сидели с напряженно-испуганными лицами. Доктор слушал мое сердце, а я лежала на диване и рассматривала комнату. Мое внимание привлекла небольшая фигурка доктора Айболита, очень похожая на моего доктора, в белом халате с черной трубкой в кармане. У академика Сперанского в Москве была своя детская клиника, которая сейчас носит его имя. Туда он меня и положил, на всякий случай. Лучше перестраховаться, чтобы совесть не мучила. А отдуваться, чтобы всем было спокойно, пришлось мне. На этом и закончились все мои попытки заниматься, чтобы вернуться в мой родной класс и не потерять год. Самое обидное было то, что мне в музыкальной школе удалось перейти из первого сразу в третий класс и почти догнать своих сверстников, а теперь все надо было начинать сначала. Но главное не это, главное то, что я поверила, что я больна, что это я, а не другая девочка лежит целыми днями в кровати и что мне опасно вставать, двигаться. А моя мама стала мамой больного лежащего в постели ребенка. Мир перевернулся.

В больнице академика Сперанского свободных мест не было, и в первые дни меня положили в коридор. Коридор был длинный, по одну сторону окна на улицу, по другую двери в палаты. Кроме моей стояло еще несколько кроватей с лежащими детьми. Мне было грустно и холодно. Утром начался обход врачей. Выглядело это, как на экскурсии в каком-нибудь музее. Не хватало только указки в руках экскурсовода – врача, переходящего от одного экспоната к другому. За ним шумной группой передвигались молодые студенты, будущие врачи, все в белых халатах. Они окружили плотным кольцом мою кровать и экскурсовод-преподаватель начал их учить. Простучал холодными пальцами границы сердца и пунктирной линией прямо на мне их нарисовал. То же сделал и с моей печенью. Потом долго слушал, заставляя лечь то на спину, то на левый, то на правый бок, считал пульс и все время говорил, говорил. Но этого было для обучения мало, нужна практика, и несколько студентов, по очереди усаживаясь на край мой кровати, тоже рисовали на мне и слушали. И я окончательно замерзла. Такие ежеутренние обходы были единственным для меня развлечением. Правда, утром и вечером еще делали уколы все

того же пенициллина, но каждый раз сестры были разные, наверное, тоже были студентки, и отличницы, и двоечницы. Со временем в традиционное место колоть было невозможно и кололи в ноги. Очень удобно – не надо переворачиваться на живот.

Через несколько дней интерес ко мне со стороны медицинских экскурсий угас. Около меня уже вся эта толпа в белых халатах не задерживалась. Но каждый раз подолгу останавливалась около соседней кровати, на которой лежала очень полная девочка примерно моих лет. Врач ласково с ней разговаривал, называл по имени, долго слушал. Что-то объяснял студентам. Эта девочка была им интересна, а я нет. Мне было очень горько и обидно. Я завидовала этой девочке, завидовала ее сложной и от того интересной для окружающих болезни. А у меня ничего интересного не было. Но уколы, как и ей, мне все равно продолжали делать. Уже и ноги были в синяках и с твердыми шишками.

Наконец меня положили в палату. Стало намного веселее – можно было поговорить. Нас было трое. В углу лежала девочка Ира с очень больным сердцем. Она уже лежала давно, и к ней единственной пускали маму. Каждый день приходила очень строгая, не улыбкающая, высокая прямая женщина, приносила девочке еду в кастрюльках, даже ходила, видимо, на кухню, разогревать. Потом подолгу сидела, тихо разговаривала со своей дочкой. На нас она никогда не обращала никакого внимания, никогда ничем домашним нас не угощала. Она вся была погружена в свое материнское горе и ни на что другое сил у нее не было. Но вечером, когда все обходы заканчивались, а мама уходила домой готовить для доченьки вкусную и полезную еду на завтра, в нашей палате начинался настоящий цирк. Ира вскакивала со своей очень высокой кровати – видимо, чтобы врачам было удобнее изучать ее больное сердце – и начинала прыгать, кривляться, в общем, беситься. Она была легонькой, стройной, очень гибкой, на нее было приятно смотреть, и мы веселились вместе с ней, но вставать опасались. А вдруг? А она, умница, не боялась. Весь объем жидкости, выпитый Ирой в течение дня, измерялся и записывался, той же процедуре подвергалась жидкость, выводимая из организма. За всем этим строго следила Ирина мама, а в ее отсутствие – дежурная медсестра. В дальнейшем эти цифры изучались лечащим врачом и были очень важны для понимания течения болезни и выбора дальнейшего лечения. Незадача состояла только в том, что маленькая Ира не знала, какой жидкости должно быть больше, чтобы побыстрее выбраться из этой надоевшей ей больницы-тюрьмы – выпитой или вышедшей, что правильно определило бы стратегию ее дальнейших действий: выливать из горшка в раковину или наоборот добавить в горшок водички из крана. И второй вопрос – сколько наливать или выливать, чтобы не догадаться. Мы тоже ничего не могли ей посоветовать. И она действовала смело и уверенно, на глазок, и самое удивительное ни разу у врача не возникло ни одного вопроса.

Вторую мою соседку по палате звали Галя. Ее кровать стояла почти напротив моей и очень близко, что давало нам возможность болтать, глядя друг на друга и не повышая голос. Она в моих глазах уже была взрослой девочкой, ей было лет четырнадцать. Говорили мы обо всем на свете. Самым интересным для меня был ее рассказ о Международном молодежном фестивале, который проходил в Москве в 1957 году летом. У Гали был старший брат, по ее словам, симпатичный, дружелюбный молодой человек, он легко знакомился с незнакомыми людьми и находил новых друзей. К тому же жили они недалеко от ВДНХ, чуть ли не на самой территории, что давало возможность ее брату легко знакомиться и общаться с молодыми иностранцами, меняться значками, даже приводить их домой в гости. Для меня такие рассказы были фантастичными. Так запросто о чем-то говорить со своими сверстниками из Франции, например. Да еще в Москве. И на каком языке? Впервые я подумала, что знание иностранного может быть полезным. Но, с другой стороны, такое событие, как молодежный международный фестиваль в Москве случается раз в сто лет и стоит ли ради этого учить другой язык?

Еще моя новая подружка замечательно пела. Она говорила, что может спеть любую песню и со всеми словами. Мы с ней играли в такую игру – я называла песню, или

название, или кинофильм, или любую строчку, которую помнила, а Галя пела эту песню всю с начала до конца, и радовалась, что опять выиграла. Она, видимо, очень хотела учиться музыке, так сильно, что сама поверила в то, что окончила музыкальную школу. И когда она приехала ко мне в гости и села за мое пианино, по постановке руки я сразу поняла, что никогда она не играла. Объяснение ее было таким, что она все забыла и очень хотела, чтобы я позанималась с ней и помогла вспомнить. Я сделала вид, что поверила ей. Но по своему небогатому опыту я знала, как это трудно научиться хорошо играть, чтобы это стало твоим будущим, твоей жизнью, а Галино время для этого уже было упущено.

В больнице было строго. Все дети должны были лежать в своих палатах, особенно во время утреннего обхода врачей, еду тоже привозили в палату, вечером ходячим детям можно было ненадолго выйти в коридор и посидеть на стуле. И однажды я увидела на стуле в коридоре маленькую девочку. Она плакала и прижимала к себе большого плюшевого зайца. Была она очень хорошенькая, с длинными беленькими волосами, видно было, что она совсем недавно оказалась в больнице, она была очень домашней, маминой любимой дочкой. И от ее теплого уютного дома ей оставили только зайца. Вообще-то в больнице нельзя было иметь игрушки из дома, а над ней такой маленькой, видимо, сжалились и разрешили. Девочка была такой трогательной и несчастной, что у меня защемило сердце, я не могла пройти мимо этого настоящего горя и села рядом с ней, стала утешать и успокаивать. И девочка перестала плакать. Так началась наша дружба. Это не была дружба двух равных подружек, а это были отношения заботливой мамы и благодарной дочки. У меня не было ни сестры, ни брата, у меня даже из-за съемных комнат и комнат в коммуналках не было ни кошки, ни собаки. И мне неведомо было чувство ответственности за кого-то, щемящее чувство тревоги за чью-то жизнь, безграничной жалости и готовности сделать что-то приятное, порадовать и получить удовольствие, увидев, что угадала. Эта девочка стала моей маленькой сестренкой, моей дочкой. И она тянулась ко мне, она мне доверяла и искала защиты. Девочка лежала в соседней большой палате человек на десять, она была совершенно беспомощна, не приспособлена, была очень домашней и ничего сама не умела. Я как могла, помогала ей: расчесывала волосы и заплетала косички, разговаривала, читала. А она с радостью угощала меня неведомыми конфетами, которые ей приносили родители. Так я в первый раз узнала вкус сливочной помадки. В обычных магазинах, куда ходили мои родители, коробочки «Сливочная помадка» тогда не продавались.

В больнице были разные дети не только по возрасту и воспитанию, но и из разных уголков страны, часто не из Москвы. Ко многим из них никто не приходил и не приносил им никаких вкусных передач, конфет, фруктов. Некоторые чувствовали сильнейшую неприязнь к таким домашним незащищенным и ухоженным детям, полным им противоположностям, как моя сестренка. И мне иногда приходилось вмешиваться.

Все мы здесь были в одной лодке и в той или иной мере должны были подчиняться и выполнять весь набор мероприятий, который придумали для нас взрослые. Если тебе один раз поставили диагноз – ревмокардит, активная фаза, то правильно это или нет, угадали врачи или ошиблись, изменить ты уже ничего не можешь. Тем более сам Сперанский тебя сюда положил. И кто будет разбираться и ставить твой диагноз под сомнение? Никто не возьмет на себя смелость крикнуть: а король-то голый! Легче просто продержат тебя в больнице положенные два месяца, выполнив над тобой все запланированные манипуляции, а потом выписать домой с клеймом в медицинской карточке для постановки на диспансерный учет: постоянное наблюдение врачей, каждые полгода уколы пенициллина на всякий случай, освобождение от физкультуры навсегда. Медицина не есть точная наука, как математика, например. Здесь, как карта ляжет. А ты, будь добра, принимай все, что тебе положено. И я принимала. И при этом видела по настоящему больных детей с полным набором нужных для ревмокардита симптомов, которых у меня и близко не было.

Были дети с опухшими суставами, которым делали парафиновые ванны, и они плакали от боли, с хореей – болезнью святого Витта – когда их кормили нянечки, потому что они не могли держать даже ложку. Некоторых детей, как и мою сестричку, готовили к операции на сердце. Чаша моего терпения переполнилась, когда выписали моих соседок Иру и Галю и на кровать Иры положили новенькую. Таких девочек я никогда не видела. Видимо, болезнь так далеко зашла, что не только сделала ее инвалидом, но и превратила лицо в неподвижную страшную нечеловеческую маску. И мы оказались в палате вдвоем, и днем и, главное, ночью. Я перестала спать от ужаса. Моя новая соседка говорить не могла, только мычала, что еще больше пугало меня. И я решила написать папе – крик о помощи и защите. Стандартно передавать письмо через нянечку я не стала. Была уверена, что наши письма читают, а мое уж точно не пропустят. И я свою записку положила в стеклянную банку из-под только что съеденного варенья, дождалась появления папы под окнами палаты, была зима, сугробы снега, залезла на подоконник, открыла форточку и со всей силой выбросила банку на улицу. Услышала звон разбитого стекла, значит, банка упала на асфальт, а не в снег, и больше ничего увидеть не успела: вбежала нянечка и стащила меня с подоконника. Не знаю, что помогло, или помог папа, или просто был сделан весь набор положенных моему диагнозу уколов и все таблетки аспирина были выпиты, но только я обязана была по правилам моего диагноза пройти следующую обязательную процедуру уже на другом этаже больницы, операцию по удалению гланд.

До сих пор не установлена точная причина ревмокардита у детей. Но на всякий случай решили, что из больницы нельзя выпускать детей с гландами, надо от них обязательно избавиться. Они могут быть источником инфекции. Без них спокойнее, только не знаю, кому. И вот для этой процедуры меня перевезли на другой этаж и положили в большую полупустую палату.

Утром ко мне подбежал молодой очень веселый врач, назвал симпомпончиком и ущипнул за щеку. Правда, в рот он мне тоже заглянул и сказал, что утром избавит меня от опасных для моего здоровья гландов, что это совсем не больно, а в качестве компенсации завтра я получу целую пачку вкусного мороженого пломбир. Мороженому я, конечно, была рада. Давно не ела и не потому, что гланды были больными, как раз наоборот, ангинами я не страдала, а потому, что передавать мороженое в больницу было сложно, а я здесь так давно. На следующий день обещанную операцию я получила по полной программе, а вот мороженого для меня в холодильнике больницы не оказалось. Закончилось. И пришлось мне выпить целый стакан ненавистного ледяного кефира.

* * *

Мой врач прибегал в палату каждое утро и сразу устремлялся к очередной новенькой девочке, щипал ее за щечку, называл симпомпончиком и обещал мороженое. Было такое впечатление, что ему нравятся и интересны только девочки с гландами, а такие как я, без гланд, уже не интересны.

Я очень плохо помню тот бесконечно длинный и однообразный год, который я провела в постели. Ничего в моей жизни не происходило. Каждый день уходила и приходила мама, иногда приходил врач, вечером появлялся папа. И все. Спасали меня книги. Целыми днями я читала. Соседка Зоя Сергеевна, фанатка книжного чтения, именно в это время занималась модернизацией своей личной библиотеки: выписывала полные собрания сочинений классиков в книжках стандартного формата с нумерацией томов на красивых корешках. Каждый автор был напечатан в томиках одного цвета, что красиво и современно смотрелось на полках ее книжного шкафа. А прекрасные старые книги, очень толстые, большого формата, с четкой печатью на качественной бумаге, так называемые Избранные, что означает самые лучшие известные произведения, оказались лишними. Зоя Сергеевна даже предлагала маме купить их у нее.

И вот именно эти книги и стали моим Университетом. Долго держать на весу большой том было тяжело, и я нашла выход: ставила книгу на место подушки с упором на спинку кровати и читала, лежа на животе и без особых усилий переворачивая страницы. И привыкла только в таком положении дома читать книги, художественные и для учебы. Так я всегда готовилась ко всем экзаменам и лучше всего все запоминала.

Ежегодный зимний приезд бабушки Наташи немного оживил мое постельное заточение. Зимой ей дома приходилось топить печь, а летом на Кубани лучше, чем в Москве. Правда, на этот раз ей пришлось спать на раскладушке, меня, как больную, оставили на диване, что вызвало у бабушки досаду и раздражение. Как здоровая девка целыми днями может валяться в постели! Кроме того мое постоянное присутствие в комнате не позволяло бабушке быть полной хозяйкой, когда родители на работе.

Бабушка привезла подарки. На этот раз я получила безразмерный красный свитер с широкой синей полосой на груди и газовый тоже красный платочек. А маме подарок был каждый раз один и тот же – золотые старинные серьги в виде колец, изящные и легкие. Мне они очень нравились. А мама, прекрасно зная продолжение этой из года в год повторяющейся истории, ни в коем случае никуда их не прятала (все-таки вещь дорогая), а клала на видное место под зеркалом. Перед отъездом на родину бабушка эти серьги всегда забирала, благо и искать долго не надо, и со вздохом говорила, что они ей пригодятся на кусок хлеба. И все были спокойны и рады, что спектакль закончился и занавес опущен.

Последний раз эти серьги были торжественно вручены мне на моей свадьбе. Правда, на этом их скитания закончились.

Громкие квартирные баталии разворачивались в нашем коридоре, когда начинался диалог Испанки и бабушки Наташи. Обе уверенные в своей правоте, сильные и независимые, очень одинаковые, несмотря на разницу в возрасте, условия жизни, образование, спор заканчивали, переходя на визгливый крик. Квартира замолкала, никто не отваживался вмешиваться, принимать чью-либо сторону. Зоя Сергеевна пряталась в своей комнате.

Предметом дискуссии всегда был вопрос о степени важности для женщины умственного и физического труда. Какая женщина достойна большего уважения – варящая сталь у мартена или профессор университета. Вечный вопрос, который в истории решался в разное время по-разному. Бабушка Наташа спрашивала: «А ты таскала колынки (бабушкино слово, думаю, что означает мешки или узлы) с кирпичами?» На что Испанка приводила свой довод: «А мне не надо: у меня два высших образования». Вариантов реплик на эту тему было много, и бой продолжался довольно долго. Победителей не было, но взаимная неприязнь сохранялась, после чего Испанка очень жалела маму.

Не найдя поддержки и понимания в нашей квартире, бабушка нашла все это в квартире напротив. Там жила украинская семья. А бабушка любила украинцев за их веселый нрав, песни. В их станице по соседству с ней жила такая семья. Здесь ее тоже приняли, она ходила пить чай, смотреть телевизор, а главное с интересом слушали о самых последних новостях в нашей квартире и в нашей семье. Тема старая – какой умный сын и какая неаккуратная, невнимательная невестка, да еще дочка лентяйка.

В нашей комнате на самой нижней полке шкафа мама складывала ветхое старое белье, то что носить было нельзя, но можно было использовать для уборки комнаты, а потом выбросить. Так бабушка потихоньку вытащила его на свет, отобрала папино и для доказательства несостоятельности мамы, как жены заслуженного офицера, демонстрировала дырки в папином белье новым своим друзьям к их огромному удовольствию.

Семья была особенная, ни на кого не похожая. Даже фамилию их помню – Ананенко. Живя в Москве, в московской квартире они смогли полностью сохранить уклад жизни, как если бы это был беленький обмазанный глиной домик в украинском селе с петухами и подсолнухами под окнами. Глава семьи, офицер, как все взрослые мужчины в нашем доме, вечером возвращался домой с огромной сеткой-авоськой полной картошки, несколь-

кими батонами белого хлеба и другими необходимыми семье продуктами. Жену Ананенко на улице, а тем более в большом продовольственном магазине на первом этаже нашего дома, я никогда не встречала. Еще у них была взрослая дочь, только что закончившая школу и поступившая в очень трудный и престижный технический ВУЗ. Они с мамой были очень похожи, черноглазые и смуглолицые, только девочка была стройной, тоненькой, с косичками, очень красивой, а мама толстой, растрепанной и неряшливой. Глядя на дочь, легко можно было с удивлением представить, какой красавицей много лет назад была ее мать.

В комнате у них стоял большой дощатый обеденный ничем не покрытый стол, который скребли ножом, чтобы он был чистым. Ходили все по квартире только босиком. Скоро в их семье появился симпатичный молодой человек, однокурсник и муж дочки, удивительно на них похожий, который по квартире тоже ходил босиком, и все были счастливы.

Мой же папа считал, что офицер в форме не имеет права таскать авоськи: погоны не позволяют, поэтому все продукты были на маме. Я тоже представляла себе истинного офицера только с оружием, в крайнем случае с цветами в руках и, встретив однажды на улице военного со складным зонтиком от дождя, была уверена, что этот офицер точно не настоящий.

Конечно, папа не был белоручкой. Ему приходилось носить огромные чемоданы и тюки наших многочисленных приезжающих и отъезжающих родственников, провожать на вокзал, встречать, а возвращение домой из отпуска с трехлитровыми банками варенья, наваренного мамой, с фруктами, арбузами и дынями без папы были бы просто невозможны.

Снова в школу после больницы

Наконец, наступил 1 сентября, очень грустный для меня день, потому что мой класс вместе с моими подружками стал на год старше и умнее, а я осталась в пятом классе. Второгодница. Независимо от причины – двойки, плохое поведение или болезнь – не снимают с тебя этого позорного звания. За год лежания в постели я сильно подросла, что еще больше приблизило меня к классическому образу долговязого ученика, из года в год сидящего на одной и той же последней парте. Хорошо еще, что моя подружка Наташа Шамаева, переболевшая желтухой, осталась со мной. Вдвоем не так страшно. Наташа, наша Мышка, как мы её звали, была маленькой, за год не очень-то выросла и внешне совсем не отличалась от новых одноклассников. Чувствовала я себя очень взрослой, хотя по возрасту от них почти совсем не отличалась, и все, что происходило в классе, мне казалось неинтересным и даже глупым. Все были чужими. Учителя тоже все были новыми, кроме учительницы географии, тощей и пронзительно визгливой. Она и в прошлом году кричала: “Не порты”, – с ударением на последний слог, – “А порты” – с ударением на первый, и в этом тоже. Указка в ее руках была, как оружие, которой она могла в любую минуту треснуть любого. И когда перед уроком во время перемены дежурные вносили в класс географические карты и развешивали поверх доски на стену, у меня начинал ныть живот. Особенности физические страдания приносила карта полушарий с большой площадью океанов и морей сине-зеленого цвета.

Очень нравились уроки биологии не столько из-за самого предмета, сколько из-за учительницы, спокойной, никогда не повышающей голоса. Она любила свой предмет, рассказывала, что лягушки для опытов жили у неё в домашнем холодильнике, к чему никак не мог привыкнуть муж, зато дети были в восторге. Люба, сестра Василия, моего мужа, тоже через 7 лет после меня проучившись у нее, закончила биофак педагогического института.

Классной руководительницей была учительница математики, небольшого роста в коротких пышных юбках, на высоких каблуках и очках в золотой оправе. Она двигалась

около доски так стремительно, что на ходу с грохотом сдвигала свой стул, а на резких поворотах демонстрировала нам белую накрахмаленную нижнюю юбку с кружевами.

На первом же уроке русского нам дали домашнее задание написать сочинение про осень. Эта тема всегда вдохновляла наших великих русских поэтов на всеми нами любимые строчки, но для меня это было мукой, писать о том, что деревья теряют листья, но это не страшно: весной вырастут новые, про замерзающие лужи, про улетающих перелетных птиц, что тоже не страшно: весной они обязательно вернуться, и всё в том же духе по известной накатанной схеме. Как всегда, выручили журналы “Огонек” и “Работница”. Главное, не ошибиться и найти нужный номер по заданному времени года, где обязательно наткнешься на подходящий текст и, правда, не с совсем чистой совестью спишешь чужие красивые строчки описания природы, которые хоть чуть-чуть украсят твоё вымученное сочинение. На этот раз я решила постараться и, настроившись на тему осени, нарисовала на обложке своего двухстраничного произведения желтые кленовые листья с зелеными прожилками, скрепив все вместе белой ленточкой с бантиком. Реакция учительницы была для меня полной неожиданностью и заставила покраснеть: я-то прекрасно знала цену моего “труда”. Она показывала классу мои кленовые листья с бантиком и говорила о моем богатом вкусе и утонченности восприятия окружающего мира. Могу себе только представить, какие сочинения других учеников ей пришлось читать.

Как в любой школе и в любом классе, дети были разные и собирались в группки или по собственным интересам, или по месту жительства, или по уровню благосостояния их родителей: редко дети дворника дружат с детьми генерала. Были и одиночки, которые ни с кем не дружили или с ними никто не хотел дружить. Мы с Наташкой-Мышкой тоже, к счастью, были все-таки группкой и пытались разобраться, кто ближе к нам по духу. Но сначала мы обе влюбились, влюбились безнадежно в одного и того же мальчика, Григория Нерсеяна. Он был очень красивый, яркий, как часто бывают все армянские дети, особенно на фоне русских детей. Мы обе страдали, страдали коллективно, вместе, поддерживая и ободряя друг друга. Нам все равно было, на кого из нас он обратит внимание. Скорее всего, тогда это для нас было всего лишь увлекательной игрой.

Учились во вторую смену. Перед уроками Мышка прибежала ко мне, и мы наводили красоту. Трюмо в комнате позволяло увидеть не только лицо, но и собственный затылок, и мы, поворачивая одно из зеркал, добивались увидеть себя – одно ухо, щеку и кончик носа – под тем ракурсом, под которым мог смотреть на нас Григорий, сидя за своей партой во время уроков. Прическа – два хвостика с бантиками – была тоже важной деталью образа, и здесь помощь подружки была очень полезной: чтобы прическа была ровной, бантики одинаковыми и не было “петушков” – волосков, предательски торчащих из гладко, тщательно прилизанной реденькой шевелюры. Довольные полученным результатом, мы с ежедневной маленькой надеждой на успех шли в школу.

Но он любил другую. Нашу соперницу звали Вера Пунанова. Они оба были спортсменами, дружили, занимались в нашей же школе в секции спортивной гимнастики. И мы с Мышкой часто вечерами ходили на школьный двор и через окно физкультурного зала с завистью наблюдали за их тренировкой. Для меня такая их жизнь была невозможной, и я это прекрасно понимала. Ты можешь быть в тысячу раз умнее, решать самые трудные задачки и даже играть на пианино, но такой мальчик, как Григорий никогда-никогда не обратит на тебя внимание. Много позже мама моего мужа Василия, свекровь, говорила, что, они не препятствовали желанию своего сына жениться на безнадежно больной девочке, хотя всё знали и предупреждали его, а я должна быть им и их сыну за этот благородный поступок благодарна.

Что было доступно мне в это время – так это занятие лечебной физкультурой с палочкой в нашей детской поликлинике для исправления искривленного позвоночника. В это же самое время в музыкальной школе я тоже влюбилась в мальчика-скрипача по имени Эмиль. И тоже страдала, правда, здесь я была одна, без Мышки.

Наша разделённая компания девочек-подружек из прошлой жизни продолжала встречаться, правда, не так часто, как раньше. Мы гуляли и разговаривали, обсуждали прочитанные книжки. В это время нашим увлечением были “Три мушкетера” с продолжениями и другие книги Дюма. Лена Бужурина, самая умная и главная из нас, собиралась после 7 класса поступать в авиационный техникум: она хотела раньше получить специальность и идти работать, чтобы помогать семье – папа инвалид без ноги и неработающая мама-сердечница. Их семья первой получила отдельную квартиру в новом юго-западном районе Москвы. Мы все были у нее в гостях и даже ночевали в её отдельной комнате. Невероятно – иметь свою комнату, можно закрыть дверь и быть совсем одной и днем, и ночью. Кухня, ванная, где не может быть никого, кроме твоих мамы и папы. Квартира была еще полупустой, со строительными запахами, необжитой и оттого холодной, но это была отдельная своя квартира. Можно даже было завести собачку или котенка...

В нашей квартире тоже произошли перемены: первыми уехали Колосовы – Зоя Сергеевна, ее муж и сын Миша. Мы были на их новоселье и продолжали довольно долго дружить. Миша вырос, а его папа, уже тогда немолодой полковник, сильно сдал и вскоре умер. Родители ездили на похороны.

Их комнату заняла тоже семья военного с дочкой примерно моего возраста, но мы с ней почему-то подружками не стали. А потом уехала и Лидия Павловна-Испанка с семьей, и квартира стала совсем чужой. С большим трудом установленный и принятый всеми порядок проживания вместе таких разных и в тоже время очень похожих людей был нарушен. Все надо было начинать с начала или не делать ничего. Мои родители, похоже, выбрали второй вариант.

Колосовы получили новую квартиру за заслуги уважаемого полковника от Министерства обороны, поэтому в их освободившуюся комнату вселилась, как наша, тоже семья военного. А вот с комнатой Орловых было по-другому. Они, не дожидаясь министерской квартиры, сами нашли вариант обмена, в результате нашими новыми соседями стала очень странная семья: мать с сыном и нетрезвым папашей, который работал санитаром в больнице, по квартире ходил в одном полосатом больничном халате до колен, часто путал соседские холодильники с продуктами, а самое печальное – мог днем заснуть в коридоре прямо под дверью нашей комнаты, и я, оказавшись запертой его телом, не могла самостоятельно открыть дверь. Телефонов, чтобы попросить о помощи не было, а мама полдня или с утра, или с обеда на работе.

В музыкальной школе меня тоже ждали неприятные новости: моя любимая учительница Светлана Ефимовна из школы ушла, а своих двух любимых учениц, меня и Лариску, передала своей подруге, которую я хорошо знала. Лариска, маленькая, с маленькими ручками, пришлась ко двору новой учительнице, женщине небольшого роста в отличие от высокой Светланы Ефимовны. А я, дылда с большими руками, новому педагогу не нравилась, и она начала занятия со мной, заново, по-новому ставя, “ломая” руку, заставляя подолгу играть простые нудные технические упражнения. Видимо, как настоящая “заклятая” подружка она так же не любила и красавицу Светлану, а я просто попала “под горячую руку” и была лишним доказательством её превосходства над Светланой хотя бы в этом, как преподавателя детской музыкальной школы.

К одному из экзаменов в течение двух-трех месяцев меня готовил совершенно замечательный педагог, молодой мужчина по фамилии Воскресенский. К сожалению, не помню его имени и поэтому не могу быть полностью уверенной, что это знаменитый пианист Михаил Сергеевич Воскресенский, хотя все сходится: и примерный возраст, и то, что в это время он был аспирантом консерватории и запросто мог временно, совсем недолго подрабатывать в музыкальной школе. Запомнилась такая картинка: прихожу к нему на урок, уже за дверью слышу игру виртуозного музыканта, вхожу, за роялем мой учитель в шерстяных неудобных растянутых перчатках, длинная прямая челка падает на лоб, меня не видит. Он ловил каждую свободную минутку, чтобы играть. Может он был и не тот

Воскресенский, но пианист он был настоящий. С ним мы готовили к экзамену “Песню жаворонка” из Детского альбома Чайковского. И всё было бы замечательно, учитель был во мне полностью уверен, трудные трели жаворонка третьим и четвертым пальцем получались звонкими и четкими, если бы не мой ужас перед экзаменом, перед сидящими и слушающими меня педагогами. Руки холодные и мокрые, пальцы деревянные, трели смазаны, экзамен провален. Я тогда сильно подвела своего учителя и лишний раз убедилась, что музыкантом мне никогда не стать.

Я в возрасте 13 лет

Мы с Мышкой быстро нашли новую подружку, Наташу Гордееву. Как это происходит, почему ты начинаешь испытывать симпатию, причем взаимную, именно к этой девочке, потом доверяешь ей свои секреты, ждешь её справедливого мнения, совета, помощи, поддержки? Только подружка может понять тебя даже лучше, чем мама.

Наташа была особенной, настоящей москвичкой, не такой, как все мы приезжие. Многие из нашего класса успели даже пожить за границей, в основном в Германии, где в военных городках после войны служили их родители. Наташа с папой и мамой жили в Мышкином подъезде в точно такой же квартире, как наши, и они тоже занимали одну комнату. Так было у всех детей в нашем классе. Только одна девочка, какая-то очень незаметная, серенькая, тихая жила в большой отдельной квартире в нашем же доме. У неё папа был генерал.

Наташина семья тоже была особенной, её папа был не только военным, он был настоящим художником, писал масляными красками портреты, и только портреты своей жены, Наташиной мамы, худенькой высокой блондинки с пышными пепельными волосами и тонкими чертами лица. Такой же была и Наташа. Часто вечером, когда мы с ней гуляли около дома, могли встретить ее молодых счастливых родителей, привычно торопящихся или в театр, или даже в ресторан. Кроме маленькой сумочки в руках у мамы всегда подмышкой был газетный сверток с туфельками. Мои просто так никогда вдвоем в ресторан не ходили, только на официальные мероприятия по большим праздникам. Я, конечно, была уверена, что мой папа тоже очень любит маму и даже иногда дарит ей цветы, но как-то по-другому: и портретов её не пишет, и даже стихов ей не посвящает, и я где-то немножко Наташе завидовала.

Кстати, в то время мы не знали ни о каких пакетах для продуктов и вещей, их просто не было. Как-то обходились газетами и авоськами. Газет каждая семья выписывала много: и Пионерскую, и Комсомольскую, и просто Правду, и Известия, и Вечернюю Москву. Всё это читалось или просматривалось, не нашедшее применения в домашнем хозяйстве складывалось в пачки, а потом мы, дети в определенный день сбора макулатуры ходили по квартирам, забирали эти ненужные газеты, приносили к школе, взвешивали и соревновались, какой класс принесет бумаги больше. Особенно ценными считались журналы: они были намного тяжелее газет.

Зимой весь наш двор превращался в большой каток. Качество льда, конечно, было не таким, как в парке имени Горького, но зато ехать никуда не надо, выходишь из подъезда прямо на коньках и катайся. Народу на катке всегда было много. Некоторые девочки на фигурных коньках. Это очень красиво, если, конечно, хорошо катаешься. Я, как всегда, в отстающих. Коньки у меня гаги, это следующий уровень после снегурок. На них можно только вперед или назад, если умеешь, никаких фигур или ловких поворотов. Подходящего спортивного костюма у меня тоже нет. Но есть четкое незыблемое представление о том, как должна выглядеть девочка в любой жизненной ситуации, несмотря ни на что. Девочка должна быть в юбке. Исходя из этого постулата, надеваю свой толстый байковый лыжный костюм с короткой молнией у горла и широкими шароварами с резинками на поясе и щиколотках, а сверху с большим трудом натягиваю синюю сатиновую юбку в складочку так, что все складочки расходятся, и я становлюсь похожа на клоунессу Хрюшу из популярного в моё время мультфильма. Это сравнение придумала не я, а получила обидный комплимент от будущего мужа Василия. В этот день мы еще играли в царь-горы, пытаюсь стащить очередного царя с вершины снежной горки. Во время боя храбрый солдат Василий был ранен ледяным снежком, лежал на спине, раскинув руки, на снегу, а мы с Леной Бужуриной, как настоящие сёстры милосердия, спасали раненого, прикладывая снег, завернутый в мой носовой платок, к его разбитому до крови носу.

Летом, если у тебя нет доброй бабушки в деревне, хотя бы одну смену многие проводили в пионерском лагере. Самым большим и доступным для офицерских детей был лагерь Лобаново от Министерства обороны в Подмосковье. Туда я ездила, когда закончила третий класс с Леной Бужуриной и Мышкой. В то время мы были еще маленькими,

лет десяти. Все радости более взрослой лагерной жизни: походы, вечерние костры, танцы с мальчишками нам были пока неизвестны. Утром и вечером все пионеры в красных галстуках собирались на общее построение на поляне в центре лагеря. Отрядов около тридцати, в каждом дети примерно одного возраста. Самые взрослые и независимые в первом. Под пронзительный натужный сигнал пионерского горна и дробь барабана утром поднимали на флагшток красный флаг, а вечером спускали. На вечернем построении дежурный отряд передавал дежурство со всеми правами и обязанностями другому отряду. Малышам быть главными в лагере даже один день не доверяли. В это время мы стояли по стойке смирно, каждый отряд со своими пионервожатыми на своей тропинке, которые беспорядочно пересекали всю поляну. Жили отряды тоже в отдельных одноэтажных домиках в больших узких комнатах – два ряда кроватей с тумбочками, все удобства на улице. Строем ходили в столовую, строем на речку купаться. Свой мокрый купальник, самый новомодный из зелёньего ситца в цветочек с продернутыми тонкими резинками по кругу, что делало его жатым, я вешала сушиться на спинку кровати. Мама купила его мне в Детском мире специально для поездки в лагерь. Он даже мокрым не прилипал плотно к телу, как трикотажный или просто ситцевый, что в нашем возрасте уже казалось очень важным. Окно в комнату однажды оставили открытым, и больше я свой купальник никогда не видела. Говорили, что мальчишки из ближайшей деревни устраивали набеги на лагерь и забирали у нас всё, что плохо лежит.

Возвращение домой – настоящий праздник. Сидим мы втроем за маминым любимым круглым столом в комнате. Мама приготовила всё, что я люблю больше всего, главное – жареную картошечку. Родители смотрят на меня влюбленными глазами. Мокрые только что вымытые волосы плотно замотаны большим махровым полотенцем, и я, радостная, возбужденная, жуя и жестикулируя, взахлеб рассказываю обо всём самом интересном, что случилось со мной за этот месяц и... одновременно пытаюсь пальцем поддеть край полотенца и почесать голову. Мама, имеющая богатый опыт работы в послевоенном детском саду и школе, первой заподозрила неладное, сняла с моей головы мешающее мне полотенце и ахнула: такого количества и разнообразия насекомых она давно не видела. И началась настоящая битва за возвращение хорошей девочки в приличное общество. Трупы убитых мама тут же складывала в первую попавшуюся под руку пустую хрустальную вазочку. Несколько дней меня мазали пахучим керосином, который и достать-то в Москве было непросто, а мне в мои законные заслуженные летние каникулы пришлось несколько дней сидеть дома. Конечно, после таких переживаний я в пионерском лагере Лобаново больше не отдыхала.

Совсем другое дело побывать в элитном пионерском лагере “Горки” для детей высшего офицерского состава, куда для меня дали путевку на папиной работе, учитывая мой пропущенный учебный год по болезни. И лагерь маленький – всего два отряда: старшие и младшие, и комнаты в двухэтажных деревянных домиках всего на два-три человека, и в каждой спальне – большой шкаф с вешалками для одежды. С нами, детьми, были не только вожатые, но и немолодая пара, видимо, муж с женой: он – аккордеонист, она – организатор развлекательных массовых мероприятий. В конце смены был даже устроен настоящий костюмированный карнавал героев разных известных сказок. Я была мальчишкой Вишенкой из “Чиполлино”. Костюм очень простой – короткие шаровары от спортивной формы, белая рубашка от пионерской, а вместо красного пионерского галстука – пышное жабо из красной жатой бумаги.

Всё изменилось, когда мама перешла на работу в медсанчасть Курчатовского института со своим выездным летним пионерским лагерем и детским садом, и мы с ней все три смены жили загородом, на свежем воздухе: мама – в детском саду, медсестрой, а я в пионерском лагере, в первом, самом старшем отряде. Детский сад и лагерь были соседями, между территориями – условный заборчик с калиткой только для порядка. Маме и медсестре-сменщице дали одну комнату, а я жила в настоящей походной парусиновой палатке с девочками моего отряда. Спали на раскладушках, на толстых ватных матрасах,

все в одной палатке, человек пятнадцать. Правда, пол был не земляной, а покрыт досками. Вся привезенная из дома одежда в чемодане на полу под кроватью. Никаких шкафов и вешалок. Только маленькие тумбочки между кроватями, одна на двоих. Рядом точно такая же палатка мальчиков. В июне, когда летняя погода еще не устойчивая и ночью иногда палатка покрывалась инеем, мальчик Толя, высокий, тощий, очень рыжий с кудрявыми огненными волосами предложил нам, девочкам, ложиться спать на одеяло, а укрываться матрасом. Утверждал, что так намного теплее.

Лагерь был очень зелёный и уютный. Все дети, кроме первого отряда, жили в обычных домиках. В центре лагеря – столовая и большая танцплощадка, настоящая, с деревянным настилом, огороженная перилами. Здесь же под звёздным ночным небом на большом экране нам показывали кино. Запомнилась “Колдунья” с красавицей Мариной Влади. Конечно, все девочки мечтали быть на неё похожими.

Жить в первом отряде было интересно. Мы стали замечать друг друга, оценивать. Очень осторожно и неуверенно. Нравится – не нравится, любит – не любит. После ужина обязательно танцы. Твиста еще не знали. Танцевали только парами – мальчик с девочкой. Часто, если надежды, что тебя выберет мальчик, нет, девочка с девочкой. Когда объявляли “белый” танец, девочке разрешалось пригласить мальчика, но на это отваживались немногие.

Среди девочек выделялась одна, Лёлька Королёва. Яркая, энергичная, независимая и очень талантливая. В лагере приветствовалось участие в художественной самодеятельности. В помощь были приглашены студенты: молодая пара учить нас бальным танцам и небольшой музыкальный ансамбль. Лёлька сразу стала их человеком. Бальные танцы быстро были забыты. Втроём с Лёлькой ко всеобщему удовольствию они отбивали чечётку. Профессионалы – в специальной обуви для степа, а Лёлька в подаренных ей новой подружкой туфлях со сломанным каблучком. Второй каблук она оторвала прямо при нас сама и цокала пятками на наш взгляд не хуже своих партнёров. Ещё она прекрасно читала со сцены. Правда, я слышала один и тот же рассказ про подвиг девочки-пионерки во время войны, но каждый раз во время кульминации, когда Лёлькин голос звенел от напряжения, на глаза наворачивались слёзы. Она была настоящей артисткой. Привезла свои фотографии кинопроб, совсем на неё не похожих серьёзных девочек.

Взбитая пышная челка, длинный завитый хвост и огромный синие-синие глаза. Её не любили. Видимо, только за то, что другая. И однажды ночью девочки высыпали ей на волосы целую коробку зубного порошка. Не пожалели. Когда я утром пришла в палатку, увидела плачущую Лёльку с седыми от порошка безжизненными как солома волосами и смущенных, прячущих глаза её соседок. Мы с Лёлькой дружили.

Ира Андрианова была совсем другой. Строгая, рассудительная, всезнающая и не очень красивая. Мы дружили с ней тоже. К Курчатовскому институту Ирины родители не имели никакого отношения, а в лагерь её устроила родственница, которая работала у нас поварихой на кухне. Особых талантов у неё, как и у меня, не было, но мы с удовольствием принимали участие в художественной самодеятельности, в репетициях, а потом ездили в другие пионерские лагеря с концертами в крытом брезентом кузове грузовой машины, где все артисты сидели на узких деревянных лавочках, прибитых к полу. Было очень весело. На ухабах, резких поворотах съезжали на пол, визжали от восторга, пытались вскарабкаться на своё уже занятое кем-то место. А на последней лавке, спиной к кабине водителя сидели Он и Она, их как будто не было среди нас и всеобщее веселье их не касалось. Она спокойно дремала, положив головку к нему на колени, а он с серьёзным лицом сидел очень прямо и охранял. Мне кажется, что все потихоньку наблюдали за ними и так же тихо завидовали.

Звездой на всех концертах всегда была Лёлька, а мы с Ирой пели в составе девчачьего хора – никакой психологической нагрузки стоять на сцене и зрители на тебя смотрят, минимальная ответственность за забытые слова: их за тебя споют другие, и никто ничего не заметит. Главное – ты со всеми вместе, нам весело и мы – друзья.

Важным событием в лагере была спартакиада. Всё для этого было: площадки волейбольная и баскетбольная, оборудования для прыжков в длину и высоту и настоящее футбольное поле с дорожкой для бегунов. К нам соревноваться приезжали дети из других лагерей. Открытие нашей спартакиады – волнующее событие. Вокруг футбольного поля под музыку проходят группы спортсменов от каждого лагеря. Нашу группу ведёт девочка первого отряда с флагом лагеря на вытянутых руках, высокая, длинноногая, смуглая, в ярком васильковом гимнастическом купальнике, та, что ехала в кузове машины на последней лавочке. Она – настоящая спортсменка и спартакиада – её время. Мы с Ириной тоже участвуем. Только не прыгаем и бегаем, а аккуратно сантиметром измеряем в яме с песком, кто какую длину преодолел, переставляем планку для прыгунов в высоту, и все тщательно записываем.

При всех моих недостатках и полном отсутствии очень уважаемых мальчиками достоинств: хорошо играть в волейбол и баскетбол, гонять на велике – некоторым я к удивлению нравилась. Самым активным был Боря Бецис. Он долго и нудно говорил мне о своих чувствах, строил грандиозные планы не только на ближайшее будущее, но и на всю оставшуюся жизнь. Борька и его младший брат Стасик были заядлыми футболистами, играли в сборной лагеря и пользовались большим авторитетом среди мальчишек. Все, кроме меня, знали, что я Борина девочка, а это значит, что другие должны уважать его чувства. И когда вечером к нам на танцплощадку пришел настоящий суворовец в настоящей суворовской форме и пригласил меня танцевать, мальчишки возмутились. На следующий день суворовец подошел к забору около наших палаток и попросил меня подойти для серьезного разговора. Мальчик был симпатичный, да еще суворовец, а я с детства испытывала особое уважение к мужчинам в военной форме, поэтому подошла. Он стал говорить, что хотел бы встречаться со мной в Москве, что девочка выигрывает в глазах окружающих, когда с ней рядом идет суворовец. Мне услышанного было достаточно, и только я собралась вернуться к нашей палатке, как в палатке наших мальчиков поднялся страшный шум: громко кричали, чтобы этот паршивый суворовец убирался и, если еще раз его увидят, то ему несдобровать. Больше я его не видела. Вот что значит мужская, скорее мальчишечья, солидарность.

Прямолинейная, бескомпромиссная Лёлька, которая не скрывала своей симпатии к очень странному на мой взгляд мальчику, в кепочке, потертom неновом пальто, из которого он давно вырос, но приехавшему в лагерь со своей смешной гармошкой, на которой он виртуозно играл самые разные мелодии, прямо, не мигая, глядя мне в глаза спрашивала: "А ты его (подразумевая Борю) любишь?" Я жутко терялась, очень жалела, что, если честно, не могу ответить "да", начинала лепетать, что, по-моему, мы еще не доросли до того возраста, когда любят, что бросаться просто так словом любовь нельзя. Хотя я знала, сколько лет было Джульетте, но это было давно – и время другое, и их возраст нельзя сравнивать с нашим. При этом, несмотря на мои оправдания, я себя чувствовала виноватой. Лёлька говорит, что любит, а у меня язык не поворачивается. Дружить, нравиться – это пожалуйста и сейчас, и с нами, принимаю, допускаю, а любить – сейчас нет, может быть когда-нибудь потом? Но слова словами, а на деле даже Лёлька, громче всех кричавшая на всех углах о своей неземной любви, в лучшем случае позволяла своему мальчику держать себя за руку, да и то только во время танца на танцплощадке. Целоваться мы тогда ещё не умели.

В конце смены вожатые первых двух отрядов в центре большой поляны в лесу устраивали нам настоящий костёр. Вокруг костра не сидели, а танцевали, прощались с лагерем, друг с другом. Было хорошо и грустно. Темнотища, высокое жаркое пламя – всё это располагало к откровенности, к объяснению в любви. Оказалось, что и рыжеволосый длинный Толик меня любит. Он с жаром сообщил мне об этом во время танца. Яркий огонь отражался в его и без того красных глазах, под однообразное брэнчание гитары пионервожатого (другой музыки просто не было, а танцевать все хотели) мы вяло топтались на одном месте (передвигаться по кочкам было сложно), и я ждала, когда наконец эта попытка

закончится. И уйти нельзя, и не выслушать нельзя, и отказаться, когда тебя приглашают танцевать и протягивают тебе руку, тоже нельзя: мы здесь все свои, чужих среди нас нет, а обижать своих нельзя. Вот и приходится терпеть кочки, мучительные слова, да еще и сам танец назвать танцем невозможно. С папой или со взрослыми мне танцевать нравилось. Непредсказуемость движений, шагов, поворотов, надо чувствовать руку партнера, угадывать, куда он тебя поведет, и подчиняться.

Мама Бори Бециса и моя обе работали в соседнем детском саду и прекрасно знали друг друга. Она очень активно подхватила идею нашей с Борей дружбы, к ней с не меньшим энтузиазмом присоединился и их папа, в общем, родители Бори были полностью “за”. И наша дружба с Борей с переездом в Москву не умерла. Несколько раз их семья приглашала нашу семью на лыжную прогулку в “Серебряный бор”. Мой папа был очень спортивным человеком и был рад любой возможности приобщить нас с мамой хоть к какому-либо спорту. Поэтому совместные лыжные воскресные походы приняты были им на “ура”. Лыжи были для него в новинку, но он с энтузиазмом бросился покупать нам всё, что для этого нужно. Бецисы обучили его технике накладывания мази, чтобы и скользило, и не тормозило, и до самой лыжни он тащил все три пары наших лыж на плече, а мы с мамой покорно семенили за ним, помогая себе палками, чтобы не упасть. На лыжах я могла только стоять и двигаться, если только совсем не отрывать лыжу от лыжни, как на коньках. Зачем нужны палки, я не понимала: они мне только мешали. У папы как-то всё быстро получилось, и он довольно быстро передвигался большими шагами, но только за счёт природной силы и ловкости. И внимательные Бецисы терпеливо показывали и растолковывали нам, что движение вперёд только на лыже опорной ноги, а у второй хвост лыжи приподнят над лыжнёй, за счёт этого она получает ускорение и становится главной. Но как только я пыталась задрать хвост одной лыжи, сразу теряла равновесие и падала. Боря поднимал.

Дружба наша с Борей прекратилась очень неожиданно. По какому-то случаю ко мне пришли в гости на мамины пироги мои старые друзья: Лена, Наташа, Лида, Вася. Пришёл и Боря Бецис, после чего он сказал своей маме, а та в свою очередь сообщила моей, что у неё в гостях был мальчик, который лучше меня. И всё. Больше я Борю никогда не видела.

Зимой на экраны Москвы вышел фильм “Три мушкетёра”. У нас он шёл в кинотеатре “Ленинград” на Новопесчаной улице, где недалеко была моя музыкальная школа. Очень неожиданно пришёл Вася и пригласил меня в кино, а в качестве довеска, чтобы этот его поступок не выглядел официальным, а попроще, взял с собой младшую сестрёнку Любу. Правда, подозреваю, что билеты заранее покупала его мама. Мы решили не ехать на автобусе, а идти прямо через Таракановку и железнодорожные пути. Зимой, много снега, с высоченной ледяной горки на железнодорожной насыпи спускались, как придется. Обратно, когда стемнело, карабкаться вверх было ещё труднее. Никакого особого к себе отношения, как к более слабой девочке, или помощи в виде, например, протянутой руки, я не увидела: каждый из нас троих выживал и выбирался самостоятельно.

Полет в космос Юрия Гагарина

Весной 1961 года 12 апреля, прямо в день рождения Васи в космос полетел наш Юрий Гагарин. Эту новость я услышала из репродуктора на столбе, когда шла в музыкальную школу. В руках – черная папка для нот с оттиском портрета Мусоргского и длинными ручками-шнурками. Невероятное счастье, радость и гордость за нас, за нашу страну. Это – мы, и мы первые. Ни о чём другом было думать невозможно. Позже я прочитала воспоминания людей об этом событии – один папаша даже забыл забрать своего ребёнка из детского сада.

Вся школа ликовала и сходила с ума. Мы учились во вторую смену. Первым уроком была математика, а учительница, недавно приехавшая в Москву откуда-то из Сибири, держала класс “в ежовых рукавицах”, требовала абсолютной тишины и неподвижности –

мы должны были сидеть с прямой спиной, сложенные руки лежат на парте, в руках ничего держать или вертеть нельзя (это отвлекает от математики), смотреть только на учительницу. Если хочешь задать вопрос, поднимаешь одну правую руку, левая продолжает, не шевелясь, лежать на парте. Для варианта поведения “записать в тетрадь” – свой свод законов. Удивительно, но она никогда не повышала голоса, была всегда ровно спокойной, тем не менее мы подчинялись, тишина в классе была такая, что “муха не пролетит”. Внешне – маленькая старушка в странной допотопной одежде, тёмная пышная длинная юбка, как у моей бабушки Наташи, прямые короткие зачёсанные назад седые волосы. Из всего класса в качестве эталона правильного поведения на уроке и в придачу пятёрки в классном журнале она выбрала меня. Призывала брать с меня пример, от чего я жутко смущалась и готова была спрятаться под парту. Специально исполнять роль послушной пай-девочки отличницы мне не требовалось: я действительно была такой.

Но в этот знаменитый день все и всё было по-другому. Нашу учительницу было не узнать. Никаких уроков. Праздник. Она даже разрешила нам открыть все окна в классе и вылезти через открытые окна на декоративный балкон, который был во всех типовых пятиэтажных красного кирпича школах постройки 50-х с большими часами посередине и с белыми барельефами знаменитых писателей на фасаде. В тот день, когда Юрий Гагарин прилетел в Москву и шёл по ковровой дорожке со случайно развязавшимся шнурком на ботинке, нас всех отпустили домой, чтобы мы могли посмотреть всё по телевизору. Тогда в школе такой роскоши, как телевизор, не было. А пропустить и не увидеть сразу во всех малейших деталях это незабываемое событие есть преступление. Громче всех об этом говорила наша учительница математики.

В Курчатовском институте маминой подружкой стала Татьяна Петровна, начальник военно-паспортного стола, очень красивая высокая стройная эффектная женщина, всегда одетая в идеально сшитое по фигуре черное платье с длинным узким вырезом и черные лодочки на высоком каблуке. Здравпункт, место хоть как-то оторванное от внутриинститутской жизни, насыщенной не только научной деятельностью, новыми открытиями и инженерными решениями, но и сплетнями, подсидами, разборками и скандалами, да ещё моя добрая мама в придачу, готовая не только без боли сделать укол, но и выслушать, посочувствовать и, главное, сохранить поведенное ей в тайне, – всё это и определило выбор Татьяны Петровны. Судьба у неё действительно была сложной. На работе встретила сослуживца, инженера, инвалида войны, без руки, тоже, как и она семейного. Все в институте шушукались, осуждали и не только – общественность института должна была пресечь, прекратить такое нарушение законов морали, тем более что и она, и он – члены коммунистической партии. Самые нетерпеливые и воинственные не пренебрегали и грязными анонимками в адрес его законной жены и её законного мужа.

Один раз мы с мамой случайно столкнулись с ними на улице, и я, маленькая и глупая, ничего ещё в этой жизни не понимающая, до сих пор помню впечатление от этой встречи. Это были два родных, светившихся счастьем человека, почему-то на первый взгляд очень похожих, наверное, счастливые глаза у всех людей одинаковые. Он рыжий, с веснушками, в рубашке с короткими рукавами, правый – пустой, она – особенно красивая.

Муж Татьяны Петровны Фёдор Павлович был на двадцать лет её старше. В его подчинении были ткацкие фабрики в Москве и всё, что имеет отношение к тканям: магазины и ателье, – отсюда и совсем непохожая на нашу устроенная и обеспеченная жизнь с полным набором атрибутов: большая отдельная квартира, машина с личным шофёром, дача и прислуга. Старший сын Татьяны Петровны родился во время её учёбы в педагогическом институте на втором курсе после работы вожатой в летнем пионерском лагере, папой ребёнка был такой же молоденький студент, как и она. Институт пришлось бросить. Спас умный и взрослый Фёдор Павлович.

Пару раз мы с мамой ходили к ним в гости просто так. Фёдор Павлович был с нами очень галантен и внимателен. Маму пригласили в гостиную, а меня отдали на попечение младшему сыну, который был внешне очень даже ничего, с густым коротким ёжиком

светлых волос, на несколько лет старше меня. Тот усадил меня на диван в своей комнате и, чтобы меня развлечь – папа же дал ему такое указание, – достал из книжного шкафа большой фотоальбом с чёрно-белыми художественными фотографиями. У нас тогда можно было купить книги с репродукциями известных картин знаменитых художников, но с фотографиями я раньше не видела. Видимо, папа привёз её ему из-за границы, куда он регулярно ездил по своим служебным делам. С первой же страницы мне пришлось собрать всю свою волю в кулак, изобразив на лице полное равнодушие, спокойствие, продолжая медленно переворачивать страницы, как будто мне не впервой было видеть фотографии с красивыми обнажёнными телами на фоне разнообразных пейзажей.

Не знаю, удалась ли мне моя роль, потому что я всегда смущалась и краснела по любому поводу, а часто и без повода вовсе. Но уверена, что мой мучитель был в восторге – краем глаза я видела, как исподтишка он наблюдает за мной. Книжку я мужественно долистала до конца. Татьяна Петровна звала своего младшенького очень странно – Асюркой. Я решила, что это имя ему очень даже подходит.

После седьмого класса летом мы с бабушкой Таней целый месяц жили в квартире маминой подружки тётки Тони Пенкиной в городе Наро-Фоминск под Москвой на территории знаменитой танковой Кантемировской дивизии. Познакомились они ещё в Москве, когда её муж учился в военной академии, и они тоже, как и мы, не москвичи, снимали комнату. Все праздники по очереди ходили друг к другу в гости. Однажды оставили меня за хозяйку с их сыном Володей, на год младше меня, и я, на правах старшей, сделала ему сложный бутерброд – чёрный хлеб с маслом, довольно внушительный слой горчицы, а сверху варенье. И он, не сопротивляясь, не говоря ни слова, съел. Сказал, что вкусно.

Маму с тёткой Тоней сдружило общее несчастье: обе в разное время купили красивые кожаные босоножки у армянина-кустаря на рынке, которые через неделю, конечно, развалились, и обе пришли к продавцу вернуть деньги. Тут-то они и познакомились.

Жили Пенкины на первом этаже в многоквартирном доме, занимали две комнаты в трёхкомнатной квартире. В третьей комнате жила одинокая старушка. Муж тети Тони, дядя Костя, после окончания Военно-политической академии, получил здесь жильё и служил в дивизии замполитом. В это лето я сначала отлежала месяц в больнице со второй атакой ревмокардита (диагноз раньше поставлен и подтверждён, сомневаться врачам не надо), а потом где мне проводить оставшиеся летние каникулы, родители не знали. И в Москве плохо, и далеко ехать нельзя. Только Подмосковье. Выручила тётка Тоня. Предложила свою квартиру на время их отъезда в отпуск. Так я и оказалась на территории военного городка. Одна. Без подружек. С двумя бабушками. В городке был парк со скамейками и Дом культуры с раздолбанным пианино “Лира”, куда я приходила читать книжки на свежем воздухе или разбирать заданные на лето музыкальные произведения. Пианино стояло на самом проходе, постоянно туда-сюда ходили люди, но выбора у меня не было, приходилось заниматься. Правда, мне казалось, что меня никто не замечает. Это успокаивало.

Как потом выяснилось, я очень ошибалась. С самого первого дня моего появления в городке я была под пристальным вниманием местных мальчишек. Меня везде сопровождали, за мной наблюдали. Один раз я даже неожиданно увидела одного, спрятавшегося под лавкой, где я сидела с книжкой. В открытое окно на первом этаже квартиры, где мы жили, бросали записочки, завёрнутые в камешек, с предложением познакомиться, выйти поговорить. Это очень развлекало моих бабушек, прямо вернуло им вторую молодость. Бабушка-соседка всех мальчишек знала, кто есть кто, какого офицера сын, заодно рассказывала нам про свою молодость, как её молоденькую увозил кататься на тройке лошадей красавец купец. При этом лицо бабушки, как в сказке, преображалось и молодело на глазах.

Бабушка Таня решила по-своему достойно отблагодарить тётку Тоню за гостеприимство и основательно взялась за её пуховую перину и подушки. Все пуховики были впероты, пух и перо перебраны, помыты и высушены. Бабушка без сожаления расправила

с многочисленными старыми наперниками, все их выбросила и сшила новые. Старенькую ручную швейную машинку тоже привела в порядок, почистила и смазала. Тётя Тоня была довольна.

Про себя я знала, что точно не знаю, кем хочу стать в жизни, кем работать в будущем. Уверенность была только по поводу профессий, которые мне, ну никак не подходили. Например, всё, что связано с медициной, точно нет, не моё. При виде крови отводила глаза. А уколоть иглой было выше моих сил. Музыка, если серьёзно, тоже не моё: мне никогда не справиться с волнением, если мою игру кто-то, пускай даже доброжелательный, слушает. А без концертов и экзаменов невозможно получить даже минимального музыкального образования. Всё, что связано с написанием каких-либо текстов, на примере моих мучений со школьными сочинениями, никак не могло стать моим будущим. Таланта художника я тоже в себе не чувствовала. Последний мой опыт на уроке рисования в школе – это быть моделью для своих же одноклассников. Учитель поставил свой стул на учительский стол, на стул усадил меня, дал книгу, чтобы я могла её читать и не вертеться. Так весь урок и просидела. Почему выбор пал на меня? Думаю, что учителю было виднее. Видимо, заранее представил себе, какой художественный шедевр можно от меня ожидать, и пожалел себя.

Правда, я встречала в своей жизни таких счастливиц, которые уже в младенчестве знали, чем они хотят заниматься. Яркий пример – друг моей семьи, художник Пётр Гусев. Первый в своей жизни цветной карандаш он получил в подарок, когда ему было всего пять лет. Только закончилась долгая тяжёлая безрадостная война, жил он с мамой на Урале. Карандаш был двуцветный – одна половинка синяя, другая красная. Маленький Петя рисовал и рисовал – Красный Кремль, синее небо – остановиться он не мог до тех пор, пока чудо не закончилось само: карандаш истёрся, что было для маленького мальчика Пети настоящим горем. Теперь для счастья ему не хватало только обычных цветных карандашей, всё остальное у него уже было.

И пришло время, когда надо было что-то для себя выбрать: я заканчивала восьмой класс. Каждая школа кроме общего давала ещё и среднее специальное образование. Обучение специальности начиналось с девятого класса. Про рабочую специальность, какую предлагали в моей школе вроде швей-мотористки, я совсем ничего не понимала, поэтому пошла на собеседование в школу с музыкальным уклоном, про которую узнала от девочек в музыкальной школе. После первого же прослушивания меня в школу взяли и зачислили в 9 класс. Ну вот и всё, будущее моё определилось: по окончании трёхлетнего обучения я получала кроме аттестата о среднем образовании еще и справку о приобретенной специальности хорового дирижёра. Можно поработать дирижером – хоровиком в детском саду, а потом напрямик в училище Ипполитова-Иванова на дирижёрское отделение. Но как мне не хотелось всю жизнь петь хором!

Все мои девочки-подружки готовились к выпускному вечеру. Наташе Гордеевой даже специально для этого случая сшили нарядное платье во взрослом ателье. А я была уверена, что мы с мамой уедем в Курчатовский пионерский лагерь на день раньше и даже была рада, что не надо готовиться, думать о том, что надеть, как причесаться. Новость, что открытие лагеря на день позже, была неожиданной и для мамы, и для меня. В тот же вечер мама сшила мне кофточку из ситца в цветочек, вечная на все случаи жизни серая плиссированная юбка у меня была, волосы завили, туфли к счастью были, и я пошла.

После торжественной части начались танцы, и вдруг оказалось, что Наташа в своём нарядном платье сидит, да еще в окружении тётушек, родных сестёр её мамы, специально приехавших полюбоваться на свою любимицу, а меня в моей простенькой кофточке мальчишки всё время приглашают танцевать. И дело совсем не во внешности или характере – всё дело в платье. Пятнадцатилетние мальчишки, а других на нашем вечере не было, просто испугались слишком взрослой и слишком нарядной Наташи.

Случай, определивший мою дальнейшую жизнь

Летом, когда мы с мамой были в лагере, произошло неожиданное, но долгожданное событие: папа на работе получил ордер на отдельную квартиру. Новый совсем необжитый район в Черёмушках. Только хрущёвские пятиэтажки. Наша квартира на втором этаже. Две смежные комнаты. Одна из них, дальняя – моя. Родители – в большой проходной. В кухню можно попасть тоже только из их комнаты.

Новая квартира – совсем другая новая неизвестная жизнь. Надо было срочно за оставшееся время от летних каникул выбрать мне новое будущее, новую судьбу. Изменения начались с выбора для меня новой школы. Каждый день добираться до школы с музыкальным уклоном через всю Москву было нереально. К счастью, недалеко от новой квартиры начался набор в 9 класс в новую только-только открывающуюся экспериментальную физико-математическую школу с преподаванием ряда предметов на английском языке при Институте теоретической и экспериментальной физики. И я пошла сдавать письменный экзамен по математике.

2011 год

*Я в возрасте 17 лет, после окончания школы.
Перед поступлением в Московский экономико-статистический институт.*

*Доктор технических наук Владимир Шкунденков
и кандидат технических наук Людмила Кучугурная,
проложившие в 1994 году дорогу в ЦЕРН (Женева, Швейцария)
по участию российских специалистов в разработке административных информационных
систем, применение которых сделало прозрачными работы по созданию
Большого адронного коллайдера (1996–2009 годы). Астрахань, август 1991 года.*

*2000 год. Женева. В гостях у немца доктора Детмара Вискотта (ЦЕРН)
(Фото Владимира Шкунденкова)*

2002 год. Дом в Подмосковной деревне. Красные флоксы.

*2010 год. Дубна. Первая Школа ОИЯИ / ЦЕРН по информационным технологиям.
С президентом Московского инженерно-физического института (НИЯУ «МИФИ»)
профессором Борисом Николаевичем Оныкий.*

2011 год, когда была написана эта книга.

Ноябрь 2013 года. Выступление Владимира Шкунденкова, директора Научного центра исследований и разработок информационных систем (ОИЯИ, Дубна, – ЦЕРН, Женева), в НИЯУ «МИФИ» – Московском инженерно-физическом институте, по вопросу создания International Research IT Universities Centre как инструмента связи между ЦЕРНом и российскими университетами – базовой идеи защищенного в 2008 году совместно с ЦЕРН (Женева) в Счетной палате РФ проекта «AIS-технологии и международное сотрудничество», отражающего внедрение им (В. Шкунденковым) в ЦЕРНе в 1995 году основанного на русской культуре с ее «русским космизмом» метода Time Compression.

Этот проект стал программой работ руководимого В. Шкунденковым Научного центра.

После создания в ЦЕРНе в 2014 году метода Dynamical Time Compression, превосходящего на порядок по эффективности управления экономикой подход Василия Леонтьева, нобелевского лауреата за 1973 год, идея создания International Research IT Universities Centre обусловила основание в Санкт-Петербурге общественной организации – Первой Международной Академии «Time Compression» им. профессора М.Г.Мещерякова.

*Сайт Академии, задачей которой является широкое внедрение в науку и экономику метода Dynamical Time Compression, представлен в Интернете по адресу:
<https://www.ak-dtc.com/>.*

*1 сентября 2019 года. Кострома.
Во время круиза по Волге на теплоходе «Георгий Жуков».*

С о д е р ж а н и е

	Стр.
1. Введение	3
2. Мои первые воспоминания	3
3. Бабушка Таня	5
4 Детство в послевоенном Курске	9
5. Папа и его братья	17
6. Война	19
7. После войны. В Курске	24
8. Про Бога	26
9. Лето на Кубани у бабушки Наташи, папиной мамы	27
10. Я иду в первый класс	29
11. Мы едем в Москву	31
12. Про музыкальную школу	45
13. В больнице	51
14. Снова в школу после больницы	57
15. Полет в космос Юрия Гагарина	65
16. Случай, определивший мою дальнейшую жизнь	69
17. Избранные ФОТО из моей последующей жизни (8 фото)	69

Кучугурная (Лопина) Людмила Дмитриевна

Маленькая моя жизнь

*Книга издана в авторской редакции
при участии (обложка) В.Н.Шкунденкова*

Фото из архивов автора и В.Н. Шкунденкова

МЕЧТЫ...

Мечты – это что-то невидимое, невесомое, но очень красивое и приятное. Это нельзя ни подарить, ни дать на время. Нельзя поделиться мечтой, потому что она принадлежит тому, кто её создал.

Тот, кто умеет мечтать, может создать новый мир, новую жизнь, и не одну. Вы, может быть, думаете, что созданный мир будет выдумкой? Для вас – может быть, но для его создателя он будет таким же реальным, как сама реальность, а может, еще реальнее. Это будет прекрасный мир, наполненный счастьем, радостью и весельем, но в нём будет и горе, и печаль, в нём будет всё, но всё будет другим, даже грусть будет наполнена красотой и почти неуловимым счастьем.

Умение мечтать позволяет не только создавать другие миры и путешествовать по ним, но и улучшать свой, улучшать каждую вещь.

Умеете ли вы мечтать? Я – да. Я люблю мечтать, и если меня спросят, в каком мире я провожу больше времени, то я отвечу, что в выдуманном. Но и этот мир я тоже улучшаю. Например, когда я была маленькой, я любила играть с маленькой пантеркой, невидимой для окружающих и показывающейся только мне. Из-за этого надо мной смеялись. А я её видела и до сих пор помню. Она выросла и стала большой красивой пантерой. Я часто вижу её, и мы с ней дружим, но уже не играем, как прежде.

Умение мечтать – это дар. Прекрасный дар! Если правильно его использовать, то можно стать оптимистом, а если нет, то можно грустить всю жизнь, жалея о том, что мечты – не реальность.

*Это эссе написано в 2013 году 13-летней Ксенией Титовой,
внучкой Людмилы Кучугурной.*

Ксения и Бонни. 2011 год

Об авторе

Людмила Дмитриевна Кучугурная (Лопина) родилась в Курске в 1947 году. Окончила Московский экономико-статистический институт в 1971 году. По окончании МЭСИ работала в системе Минатома СССР, а с 1977 года работает на Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ, Дубна), сначала как прикомандированный от Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ) программист – разработчик программ для сканеров АЭЛТ-1/ЦАГИ (Москва), как аналога созданного в ОИЯИ, и АЭЛТ-2/160 (Дубна). По результатам выполненных работ защитила в 1989 году диссертацию кандидата технических наук.

В 1990 году была зачислена в штат ОИЯИ (Дубна) и сыграла ключевую роль в 1994 году, когда решался вопрос об участии специалистов ОИЯИ (а позже – из российских университетов НИЯУ «МИФИ» и других) в работах по созданию переносимых из NASA (США) в Европейскую организацию ядерных исследований (ЦЕРН, Женева, Швейцария) административных информационных систем – контроля финансов и учета кадров, электронного документооборота, управления выполненной стоимостью и других. Все эти разработки были выполнены в ЦЕРНе при использовании внедренного в 1995 году основного на русской культуре метода «сжатия времени» (Time Compression). Так в ЦЕРНе был создан в кратчайшие сроки комплекс административных информационных систем, применение которого сделало прозрачными работы по созданию Большого адронного коллайдера.

Успех в ЦЕРНе позволил перенести в ОИЯИ при участии в этих работах Л.Д.Кучугурной ряд систем и создать оригинальные на основе полученного опыта. В 2014 году внедренный в ЦЕРНе метод Time Compression был развит до еще более эффективного метода Dynamical Time Compression. С созданием метода DTC связаны инициативные – как все первопроходческое – работы по основанию в Санкт-Петербурге общественной организации – Первая Международная Академия «Time Compression» им. профессора М.Г.Мещерякова, главной задачей которой является широкое внедрение в науку и экономику метода Dynamical Time Compression, применение которого позволяет на порядок сокращать затраты времени, а также обеспечивает близкую к 100 % гарантию успеха при выполнении сложных научных разработок и проектов. Без участия в этих работах Л.Д. их не было бы.

В.Н.Шкунденков